

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES

A standard linear barcode consisting of vertical black lines of varying widths on a white background.

3 1761 00322719 6

PG
3453
B2
1914a
t.2

10

1

This is an authorized facsimile of the original book, and
was produced in 1972 by microfilm-xerography by University
Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

al'mont Константи^н Дмитриевич
К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

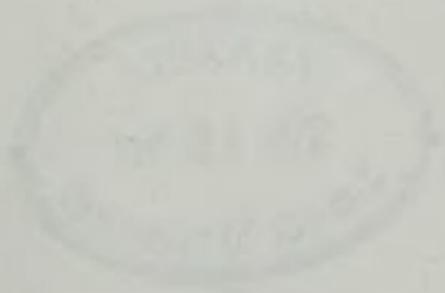
Томъ второй —————

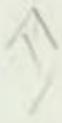
Горящія Зданія —————

Издание ЧЕТВЕРТОЕ

77
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1914 —————

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

2
4
6
грн

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ второй —

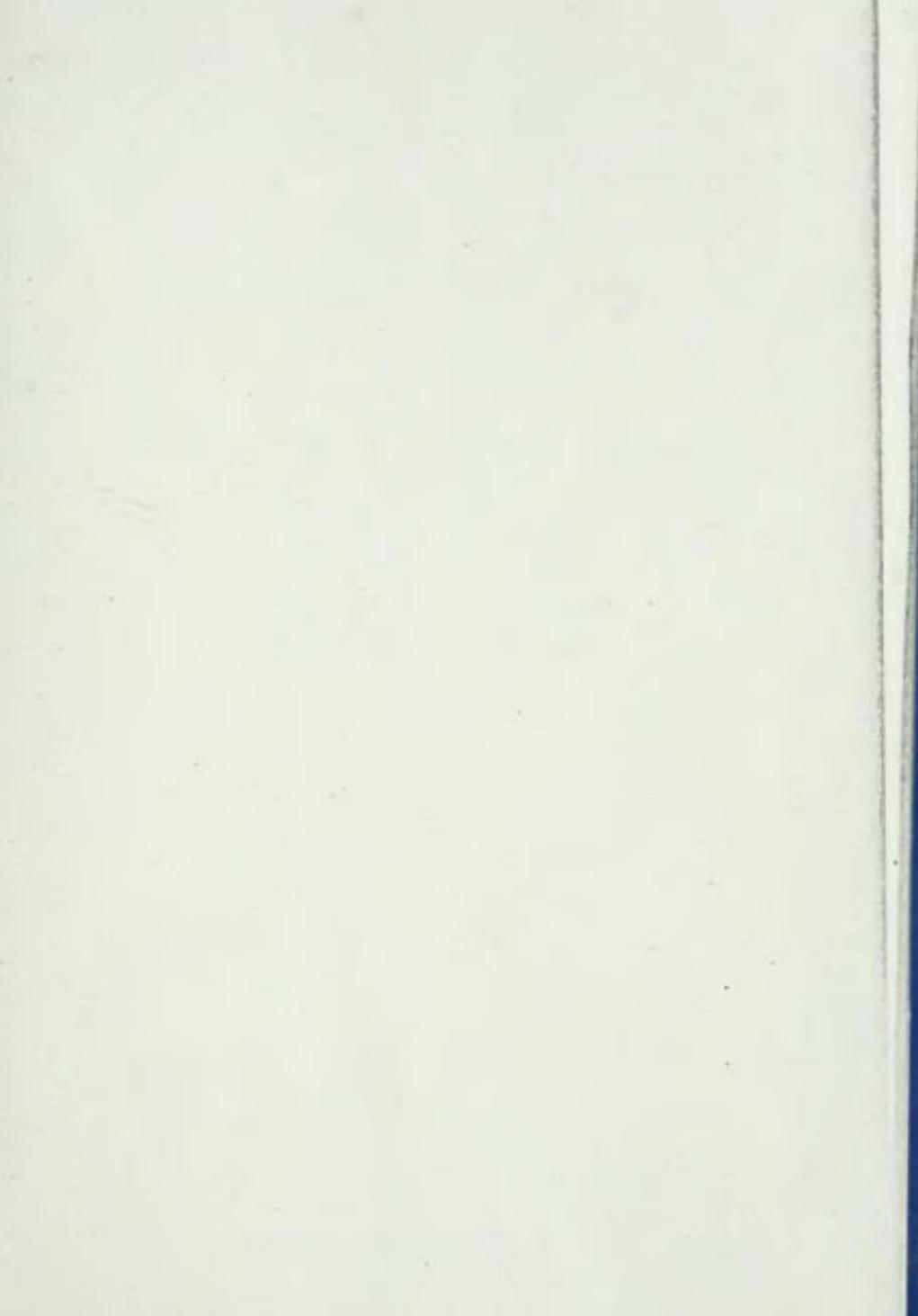
Горящя Зданія —

Издание ЧЕТВЕРТОЕ

1 778691
0 38434

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
“СКОРПІОНЪ” 1914 —

К. Д. Бальмонтъ

РГЗА53
.Р2
1909
с-р/2

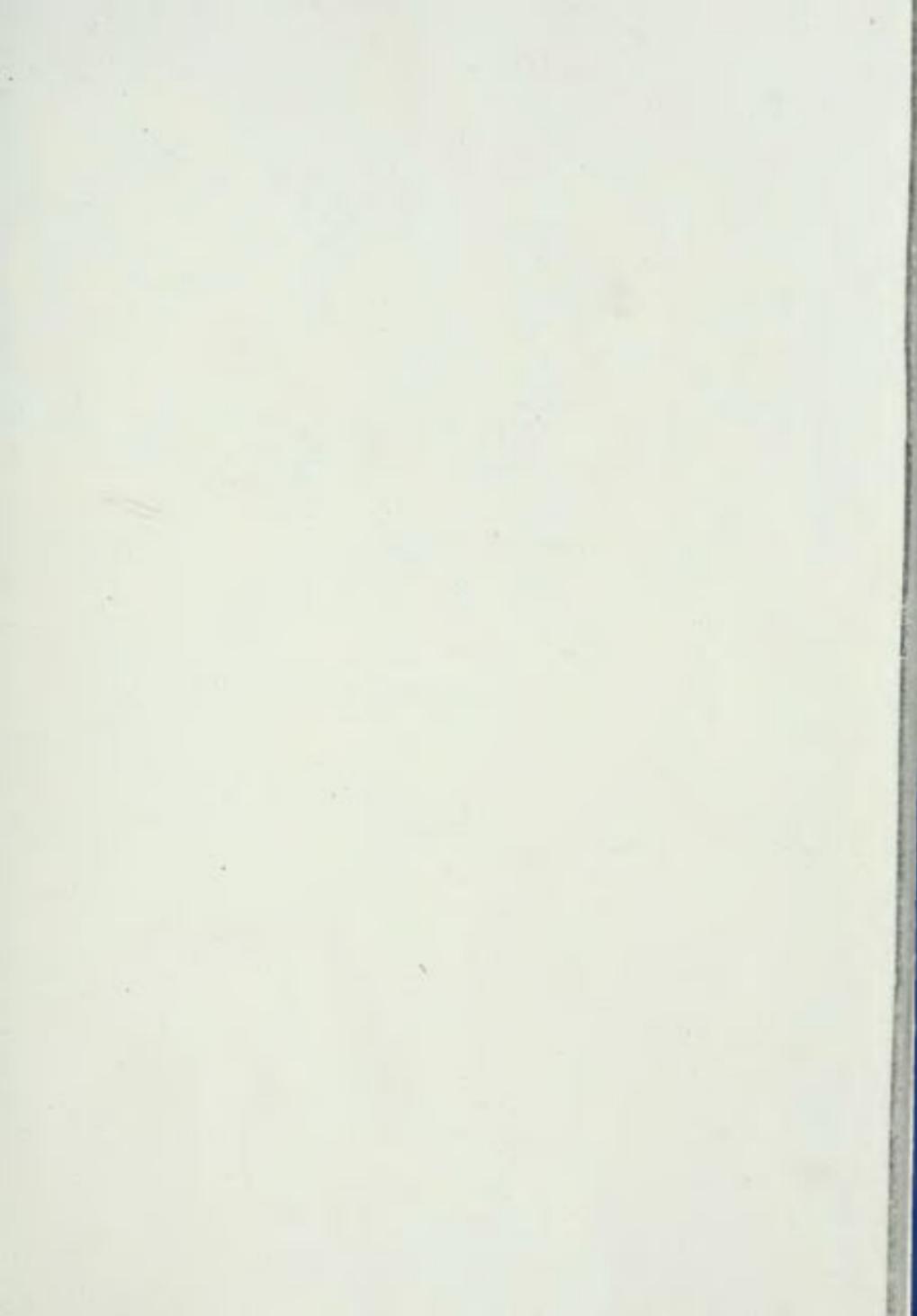
Горяще Зданія

Лирика современной души

Миръ долженъ быть оправданъ **весь**
Чтобъ можно было жить

Бальмонтъ

1899—Осень

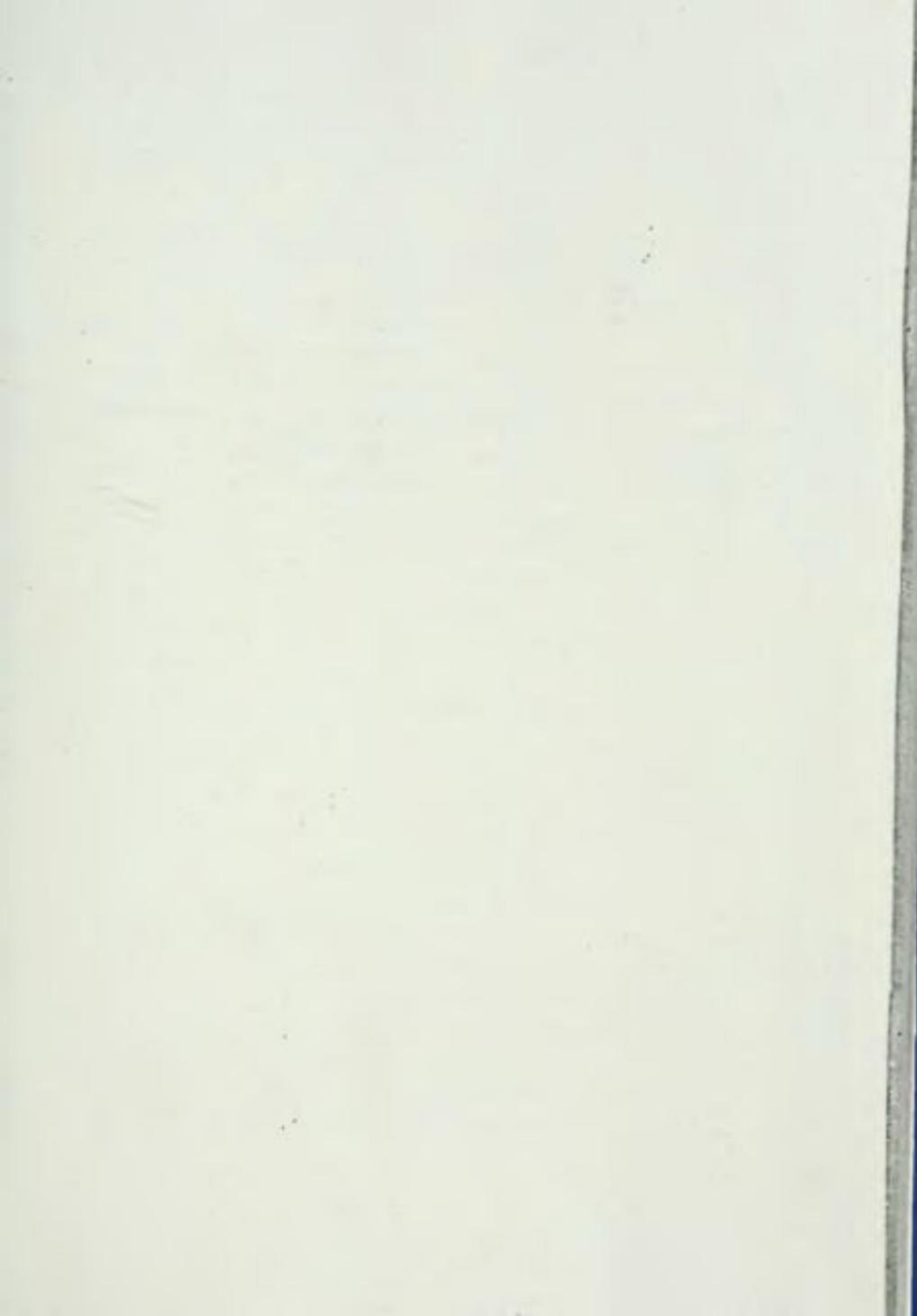

*Посвящаю эту книгу рубиновых страницъ
моему другу
С. А. Полякову*

съ которыми мы вмѣстѣ ее пережили

Москва 3 января 1904

К. Бальмонтъ

1. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1899)

Эта книга почти цѣлкомъ написана подъ властю одного настроенія, на долгія недѣли превратившаго мою жизнь въ сказку. Я былъ захваченъ страстией возній, которая увлекла меня и держала въ плену, бросала вверхъ, бросала внизъ, и я не могъ выйти изъ нея, пока самъ не овладѣлъ ею, понявъ ея сущность.

Я былъ въ замкнутой башнѣ, и видѣть сквозь темное окно далекое ионное зарево, и хотѣть выйти изъ башни, потому что въ человѣкѣ есть неудержимая потребность бѣжать къ мѣсту пожара. Но я не могъ выйти на волю, пока не понялъ самого себя.

Эта книга не написана назаваніи *литературной современной душѣ*. Никогда не создавая въ своей душѣ искусственной любви къ тому, что является теперь современностью и что изъ иныхъ формаль ного професіи неизвестно, и никогда не закрывая своего слуха для голосовъ, изучавшихъ или прошлаго и нынѣшняго прошедшаго. Я не уклонился отъ самого себя и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечетъ въ ионныя берега. Въ этой книжѣ я говорю не только за себѣ, но и за многихъ другихъ, которые имѣютъ вѣтъ, не имѣтъ голоса, а иногда имѣя его, но не желая говорить, имѣютъ вѣтъ, но чувствуютъ гнетъ роковыхъ противорѣбий, быть можетъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ я.

У каждой души есть множество ликовъ, въ каждомъ человѣкѣ скрыто множество людей, и многие изъ этихъ людей, образующихъ одного человѣка, должны быть безжалостно ввергнуты въ огонь. Нужно быть безощаднымъ къ себѣ. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сдѣлалъ это въ предлагаемой книжѣ,

и, быть можетъ, тѣмъ, кто чувствуетъ созвучно со мной, она по-можетъ прийти къ тому внутреннему освобожденію, котораго я достигъ для себя.

Въ предшествующихъ своихъ книгохъ—*Подъ Соловьимъ Ильмомъ*, *Въ Голубомъ сини*, и *Тишине* я показалъ, что можетъ сдѣлать съ Русскимъ стихомъ поэзъ, любящій музыку. Въ нихъ есть ритмы и переклички блаженчайши, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнетъ новое.

Въ воздухѣ есть скрытыя течения, которые пересоздаютъ душу.

Если мои друзья утомились смотрѣть на белыя облака, бѣгущія въ голубыхъ пространствахъ, если мои враги устали слушать звуки струиныхъ инструментовъ, пусть и тѣ и другіе увидятъ Теверь, умѣю ли я ковать желѣзо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь.

Изъ *Полюковыхъ «Баньки»*,
Московскаго уѣзда.

2. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1903).

МОИ ВРАГИ.

О, да, ихъ имена суть многи,
Чужда имъ музика мечты.
И такъ они сѣро-убоги,
Что имъ не нужно красоты.

Ихъ дразнить трепетъ скрипки страстной,
И розъ красивыхъ лепестки.
Едва махнешь имъ тканью красной,
Они мятутся, какъ быки.

Зачемъ мы яркихъ красокъ ищемъ,
 Зачемъ у насъ такъ свѣтель наганы!
 Ишь, если нѣжинъ ты, предъ пинимъ
 Скрышишь, поэтъ, что ты богатъ.

Отдай свой духъ мышинамъ воинамъ,
 Забудь о бедахъ годубой.
 Прилично лѣ быть красиво-стройнымъ,
 Когда уроды предъ тобой!

Подсѣбноватыми глазами
 Они косятся изъ цѣлты.
 Они пытаются червями,
 О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянутъ,—
 И въ поры прячутся сейчастъ:
 Вдругъ вонсе видѣть перестанутъ,
 И станутъ дырки вмѣсто глазъ.

Но мнѣ до нихъ какое дѣло,
 Я въ облакахъ моей мечты.
 Съ недостижимаго предѣла
 Роню любящимъ цѣлты.

Свѣчу и жгу лучомъ горячимъ,
 И всѣмъ красивымъ шлю привѣтъ.
 И я ничто—зырямъ позрачимъ,
 Но зрѣшю свѣтлыхъ—я расцвѣтъ!

3. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904)

Какъ странно перебирать старыя бумаги, переластывать стра-
ница, которая жили—и погасли для тебя, ихъ написавшаго. Они
дороги и чужды, какъ ленестки подаренныхъ увядшихъ цветовъ,
какъ письма женщинъ, изъ которыхъ ты пробудилъ непонятность,
что зовется любовью, какъ выцѣлѣніе портреты отошедшихъ людей.
Вотъ я смотрю на нихъ, и многое въ этомъ старомъ удивляетъ
меня новизной. Въ сѣти мгновеній я создавалъ эти слова. Мгно-
венія всегда единственнымъ. Они слагались въ свою музыку, я былъ
ихъ частью, когда они звучали. Они отзвѣвали и навѣкли унесли
съ собою свою тайну. И я другой, миѣ перестало быть понят-
ными, что было такъ ярко-постижимо, когда я былъ ихъ созвучной
и покорной частью, ихъ соучастиемъ. Я другой, я одинъ, миѣ
осталось лишь нѣсколько золотыхъ исчезнувшихъ изъ смеркавшаго
потока времени, нѣсколько страстныхъ рубиновъ, и нѣсколько гор-
ячихъ испанскихъ гвоздикъ, и нѣсколько красныхъ міровыхъ розъ.

Я живу слишкомъ быстрой жизнью и не знаю никого, кто такъ
зѣбѣль бы мгновенія, какъ я. Я иду, я иду, я ухожу, я мѣняю,
и замыняю самъ. Я отдаюсь мгновенію, и оно миѣ снова и снова
открываетъ скрытія искамъ. И вѣчно цвѣтутъ миѣ новые цветы.

Я откidyваюсь отъ разума къ страсти, я опрокидываюсь отъ
страстей къ разуму. Мантинъ влево, мантинъ вправо. На инфер-
блать ночей и дней невозможно должно быть движение. Но философія
мгновенія не есть философія земного мантинка. Знечъ мгновенія—
когда его любишь какъ я — — изъ области надземныхъ заноинъ,

Я отдаюсь міровому, и Міръ входитъ въ меня. Миѣ близки п
звѣзды, и волны, и горы. Миѣ близки звѣри и герои. Миѣ близки
красивые и некрасивые. Я говорю съ другомъ, а самъ въ это время
далеко отъ него, за преградой вѣковъ, гдѣ-то въ древнемъ Римѣ,
гдѣ-то въ яѣчной Индіи, гдѣ-то въ той странѣ, чье имя — Майя.
Я говорю съ врагомъ, а самъ въ то же время тайно люблю его,
хотя бы я говорилъ самыя жесткія слова. О, клянусь, въ тѣ
мгновенія, когда я — дѣйствительно я, миѣ близки всѣ, миѣ понятво
и дорого все. Миѣ понятны вершинамъ, я на нихъ воходилъ, миѣ
понятно низкое, я пыжко падаль, миѣ понятно и то, что виѣ пре-
дловъ высокаго и искаго. Я знаю полную свободу. Безмѣрность
можетъ замкнуться въ малое. Несчника можетъ превратиться въ
систему звѣздныхъ міровъ. И слабыми руками будутъ воздвигнуты
безмѣрный адамъ во имя Красоты. И сгорять города, и сгорять
лѣса, а тамъ, гдѣ они шумѣли и молчали, возникнутъ новые
шедесты и шорохи, ласки и улыбки, вѣчная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: богъ покоя и богъ движенія. Я
люблю ихъ обоихъ. Но я не долго медлю съ первымъ. Я побѣль
съ нимъ Довольно. Я вижу быстрые блестящіе глаза. Магнитъ
моей души! Я слышу свистъ вѣтра. Я слышу пѣнье струнъ.
Молотъ близъ горновъ. Раскаты міровой музмы. Я отдаюсь міро-
вому. Миѣ страшно. Миѣ сладко. Міръ вошелъ въ меня. Прощай,
мое вчера. Скорѣй къ неизвѣстному Завтра!

К. Бальмонтъ.

3 янв. 1918. Ночь.
Москва.

КРИКЪ ЧАСОВОГО

Mis ojos vi la almas,
mi danciana, el reba,
mi cama, los dolores penas,
mi diente, siempre doler.

Romance de Moriana

Мой нарядъ—бранные доспехи,
Мое одиночество—глѣбъ быка и быда,
Моя постель—суроные утесы,
Мое дремать—не спать никогда.

Старинная Испанская пѣсня

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

СОНЕТЪ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
 Завоевавъ чужіе города,
 Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
 Въ предѣлахъ думъ. Спнеть ихъ череда.

Сады, пещеры, замки изо льда.
 Забытыхъ словъ созвучные узоры,
 Невѣппость чувствъ, погибшихъ навсегда,—
 Солдаты спятъ, какъ ищіе, какъ воры.

Назавтра бой. Посиѣшень бѣгъ минутъ.
 Всѣ спятъ. Все спятъ. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
 До завтра сномъ безнечно уладитесь.

Но, чу! Во тьмѣ—чуть слышныя шаги.
 Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
 Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ОТСВѢТЫ ЗАРЕВА

А мень тѣмъ огонь безумный
И глухой, и многогуменый,
Все горятъ.

Эдгаръ По

Leaping higher, higher, higher...

Е. А. Рое

I.

КИЖАЛЬНЫЯ СЛОВА.

I will speak daggers.
Hamlet.

Я усталъ отъ пѣжихъ сковъ,
Отъ посторговъ этихъ цѣльныхъ
Гармоническихъ и провъ
И панѣонъ комбезиальныхъ.
Я хочу порвать далуры
Успокоенныхъ мечтаний.
Я хочу горящихъ зданій,
Я хочу кричащихъ бурь!

Уноеніе покоя—
Усыщеніе ума.
Пусть же всыхнетъ море зноя,
Пусть же въ сердцѣ дрогнетъ тьма.
Я хочу иныхъ брицапій
Для моихъ иныхъ пировъ.
Я хочу книжалъныхъ словъ,
И предметныхъ восклицаній!

II.

ПОЛНОЧЬ И СВѢТЬ.

Полночъ и свѣть знаютъ свой часъ.
Полночъ и свѣть радуютъ насть.
Въ сердцѣ моемъ—призрачный свѣть.
Въ сердцѣ моемъ—п полночи нѣть.

Вѣтеръ и громъ запають свой путь.
Къ лопу земли смеютъ прильнуть.
Въ сердцѣ моемъ буря мертвa.
Въ сердцѣ моемъ гаснутъ слова.

Вѣчно ли я буду забомъ?
Мчитесь ко мнѣ, буря и громъ!
Сердце мое, гибни въ огнѣ!
Полночь и свѣтъ, будьте во мнѣ!

III.

СЛОВО ЗАВѢТА.

Oh hombre! pregunta a los brutos irracionales, que ellos te enseñarán...

Diego de Estella.

О, человѣкъ, спроси завѣрѣй,
Спроси безжизненныя тучи!
Къ пустынямъ водь бѣги скорѣй,
Чтобъ слышать, какъ они пѣвутъ!
Бѣги въ огромные лѣса,
Взглядни за сопня растенія,
Въ чьей пѣжной чашечкѣ оса
Впиваєтъ влагу наслажденія!
Имъ вѣдомъ ихъ законъ, имъ чуждо заблужденіе.

Зачѣмъ же только ты одинъ
Живешь въ тревогѣ безпримѣрной?
Отъ колыбели до сѣдѣль
Ты каждый день—другой, певѣршай!

Зачемъ сегодня, какъ вчера,
Ты восклицанье безъ отвѣта?
Какъ тѣнь отъ яркаго костра,
Ты въ ночь бѣжашь отъ мѣста свѣта,
И чаща вокругъ тебя безмолвіемъ одѣта.

Проникніи силою своей
Въ языкъ безмолвія ночного!
О, человѣкъ, спроси звѣрей
О цѣли странствія земного!
Ты каждый день убийцей былъ
Своихъ же собственныхъ мечтаний,
Ты духъ изъ тысячи могилъ,—
Живи, какъ звѣрь, безъ колебаній!—
И въ смерти будешь жить, какъ оставъ мощныхъ зданій!

IV.

МОРСКОЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Есть сѣрая птица морская съ позорнымъ названіемъ—глупышъ.
Летить она вяло и низко, какъ будто бы спить,—но, глядевъ,
Нависши уродливымъ тѣломъ надъ быстро свернувшей волной,
Она увлекаетъ добычу съ блестищей ея чешуей.
Она увлекаетъ добычу, но дерзокъ, красивъ, и могучъ,
Надъ неї альбатросъ, длиннокрылый, покинувъ возвышенность тучъ,
Какъ камень, низринутый съ неба, стремительно падаетъ нациъ,
При громкихъ истревоженныхъ крикахъ окрестъ пролетающихъ
птицъ.

Ударомъ снирѣнаго клюва онъ рыбѣ швырнеть въ пустоту.
И, быстрымъ комкомъ промезкнувшій, изловить ее налету,

И, глупую птицу ограбивъ, онъ крылья расправятъ свои,
 И виденъ въ его уже клювѣ блестящій отливъ чешуи.—
 Морской и воздушный разбойникъ, тебѣ я слагаю свой стихъ,
 Тебя я люблю за безстыдство пиратскихъ порывовъ твоихъ.
 Вы, глупые птицы, сѣтите, ловите сверкающихъ рыбъ,
 Чтобъ мѣткимъ захватистымъ клювомъ онъ въ воздухѣ ихъ
 перешибъ!

V.

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ Испанецъ, осажденный вѣрой въ Бога и любовью,
 И своею опьяненный и чужою красной кровью,
 Я хочу быть первымъ въ мірѣ, на землѣ и на водѣ,
 Я хочу цветовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подъ Сіэррою-Невадой,
 Гдѣ лишь коршунъ кричали за утесистой громадой,
 Я хочу, чтобы миѣ открылись первобытные лѣса,
 Чтобы заревомъ надъ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ, и рубиновъ,
 Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ,
 Яркихъ зарослей коралла, протянувшихъ къ зѣчу,
 Мной отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я хочу.

И, стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по океанамъ,
 И въ пустынахъ раскаленныхъ я исчезну за туманомъ,
 Чтобы съ жадной быстротою Аравійского коня
 Всюду мчаться за врагами подъ багряной вспышкой дни.

И, быть можетъ, черезъ годы, сосчитавъ свои владѣнья,
 Я ихъ самъ же разбросаю, разгоню, какъ привидѣнья,
 Но и въ часъ передгромотный, между скалъ родимыхъ вновь,
 Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

VI.

КРАСНЫЙ ЦВѢТЬ.

Быть-можеть, предокъ мой былъ честнымъ палачомъ:
 Мнѣ маки грезятся, согрѣтые лучомъ,
 Гвоздики алые, и, полны угрозы,
 Махрово-алчныя, раскрывшія розы.
 Я вижу липы надъ зыбкою волной:
 Окровавленыя багряною Луной,
 Они, забывъ свой цветъ, безжизненно-усталый,
 Мерцаютъ сказочно окраской ярко-алой,
 И съ сладкимъ ужасомъ, въ застывшей тишинѣ,
 Какъ губы тянутся, и тянутся ко мнѣ.

И кровь поетъ во мнѣ... И въ таинствѣ заклятия
 Мнѣ шепчутъ призраки: „Скорѣ! Къ намъ въ объятья!
 „Цѣлуй меня... Меня!.. Скорѣй... Меня... Меня!..“
 И губы жадныя, на шабашъ свой маня,
 Лепечутъ страшныя призывающыя призывы:
 „Намъ все позволено... Намъ въ мірѣ нетъ изгнанья...
 „Мы всюду встрѣтимся... Мы нужны для тебя...
 „Подъ краснымъ Мѣсяцемъ, огни лучей дробя,
 „Мы объяснимъ тебѣ всѣ бездны наслажденья,
 „Всѣ тайны вѣчности и смерти и рожденья“.

И кровь поеть во мнѣ. И въ зыбкомъ полуночнѣ
 Тѣ звуки съ красками сливаются во мнѣ.
 И близость новаго, и тайного чегото,
 Какъ пропасть горная, на склонѣ поворота,
 Меня баюкаетъ, и вкрадчиво зоветъ,
 Туманомъ огненнымъ окутанъ небосводъ,
 Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ, при видѣ крови,
 Весь міръ откроется, и все въ немъ будеть вновѣ,
 Смѣются маки мнѣ, пронзенные лучомъ...
 Ты слышишь, предокъ мой? Я буду палачомъ!

VII.

Я СБРОСИЛЪ ЕЕ.

Я сбросилъ ее съ высоты,
 И чувствовалъ тяжесть наденія.
 Колдунья прекрасна! Ты
 Придешь, но придешь—какъ видѣніе!

Ты мучить не будешь меня,
 А радовать страшилъ мечтою,
 Созданіе тьмы и огня,
 Съ проклятой твоей красотою!

Я буду лобзать въ забытьи,
 Въ безумствѣ кошмарнаго пира,
 Румяны губы твоя,
 Кровавыя губы вампира!

И если я прежде былъ твой,
Теперь ты мое привидѣніе,
Тебя я страшѣ—живой,
О, тѣнь моего наслажденія!

Лежи искаженнымъ комкомъ,
Обломокъ погибшаго зданья.
Ты больше не будешь врагомъ...
Такъ помни, мой другъ: До свиданья!

VIII.

СКИОМ.

Мы блаженные сонмы свободно кочующихъ Скиовъ,
Только воля одна намъ превыше всего дорога.
Бросивъ замокъ Ольвійскій съ его изваяньями грифовъ,
Отъ врага укрываясь, мы всюду настигнемъ врага.

Нѣть ни капищъ у насъ, ни боговъ, только выбкія тучи
Отъ востока на западъ молитвенныи свѣтятъ лучомъ.
Только богу войны темный хворость слагаемъ мы въ кучи,
И вершину тѣхъ кучъ украшаемъ желѣзнымъ мечомъ.

Саранчей мы летимъ, саранчей на чужое нагрянемъ,
И безстрашно насытимъ мы алчныя души свои.
И всегда на врага тетиву безъ ошибки натянемъ,
Напитавши стрѣлу смертоносною желчью амъи.

Налетимъ, прошумимъ, и врага новлечемъ на арканѣ,
Безъ оглядки стремимся къ другой иеношатой странѣ.
Наше счастье—война, наша вѣрина сила—въ колчанѣ,
Наша гордость—въ незнающемъ отдыха быстромъ конѣ.

IX.

ВЪ ГЛУХИЕ ДНИ.

ПРЕДАНІЕ.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
Во мглѣ Россійской пасмурной страны,
Толпы людей скитались безъ крова,
И по почамъ исходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтило съ неба,
Съ свирѣпостью на долинный міръ смотря.
И вошль протижный: „Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!“
Изъ тьмы лѣсомъ стремился до царя.

На улицахъ изсохшіе скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Какъ скотъ,—озвѣрены и неодѣты,
И спы осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелѣвшіе отъ гнили,
Живымъ давали смрадный адекій хлѣбъ,
Во рту у мертвыхъ сѣю находили,
И каждый домъ былъ сумрачный вертель.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, танясь межъ тучъ тройныхъ,
Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиданныя птицы прилетали,
Оры парили съ крикомъ надъ Москвой,

На перекресткахъ, молча, старцы ждали,
Качая посѣдѣвшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Уарѣвъ комету, дрогнула земля.
И въ эти дни Дмитрій всталъ изъ гроба,
Въ Отрепьевъ свой духъ переселя.

X.

ОПРИЧНИКИ.

Когда опричники, веселые, какъ тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
Кровавыя затѣвали пгры,
Чтобъ увеличить полчище гробовъ,—

Когда невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ,
На женъ и девъ ниспосыпали срамъ,—

Когда, обливъ шута горячою водою,
Его добыть ножомъ осенрѣвшій царь,—
На пебесахъ, своюю чередою,
Созвѣздья улыбалася какъ встарь.

Лишь только эта мысль въ душѣ блеснетъ случайно,
Я сѣтишу въ бѣшенствѣ, мучительно скорбя.
О, если міръ—божественная тайна,
Опь каждый мигъ—клевещетъ за себя!

XI.

СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ КРАСНОГО.

ПРЕДАНІЕ.

Нѣтъ, на Руси бывали чудеса,
Не меньшія, чѣмъ въ отдаленныхъ странахъ.
Къ намъ также благосклонны Небеса,
Есть и для насть мерцанія въ туманахъ.

Я разскажу о чудѣ старыхъ дней,
Когда, опустошак пыны долы,
Врывались въ села шайками тѣней,
Терзали насть безчинные Монголы.

Жилъ въ Галичѣ тогда несчастный князь,
За красоту былъ званъ Димитрий Красный.
Незримая меѧ нимъ и Небомъ связь
Въ кончиинѣ обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Онъ взругть, безъ всякой видимой причины,
Лшился вкуса, отдыха и спа,
Но никому не сказывалъ кручини.

Кровь изъ носу безъ устали текла.
Быть прюбщенъ хотѣлъ Святыхъ онъ Тайнъ,
Но страшная на немъ печать была:
Вокругъ рта—все кровь, и онъ глядѣть — какъ Калинь.

Толпились бояре, позабывъ
Себя—предъ лицомъ горькаго злосчастья.
И вотъ ему, молитву сотворивъ,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрій успокоился, притихъ,
Вадохнувшись, заснулъ, и всѣмъ казался мертвымъ.
И никакъ сонъ, но не изъ сновъ земныхъ,
Виталь надъ этимъ трупомъ распростертымъ.

Оплакали бояре мертвца.
И крѣпкаго они испивши меда,
На лавкахъ спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмозгнаго народа.

И вдругъ одинъ бояринъ увидалъ,
Какъ, шевельнувшись, чуть зrimо волосами,
Мертвецъ, покровъ содвинувъ, тихо всталъ.—
И началъ пѣть съ закрытыми глазами.

И въ ужасѣ, среди полночной тьмы,
Бояре во дворецъ народъ впустили.
А мертвый, стоя, бѣлы, пѣть псалмы,
И толковалъ значеніе Русской были.

Опь пѣть три дня, не открывалъ глазъ,
И возвѣтилъ грядущую свободу,
И умеръ какъ святой, въ разсвѣтный часъ,
Впушая ужасъ блѣдному народу.

XII.

СКОРПИОНЪ.

СОНЕТЬ.

Я окружень огнемъ кольцеобразнымъ,
Онъ близится, я къ смерти присужденъ,—
За то, что я родился безобразнымъ,
За то, что я зловѣштій скорпіонъ.

Мои враги глядятъ со всѣхъ сторонъ,
Кошмаромъ роковымъ и неотвязнымъ,—
Нѣть выхода, я смертью окруженъ,
Я пламенемъ стѣсненъ многообразнымъ.

Но вотъ, хоть все ужаснѣй для меня
Дыханья неотступнаго огня,
Однимъ порывомъ полонъ я, безболымъ.

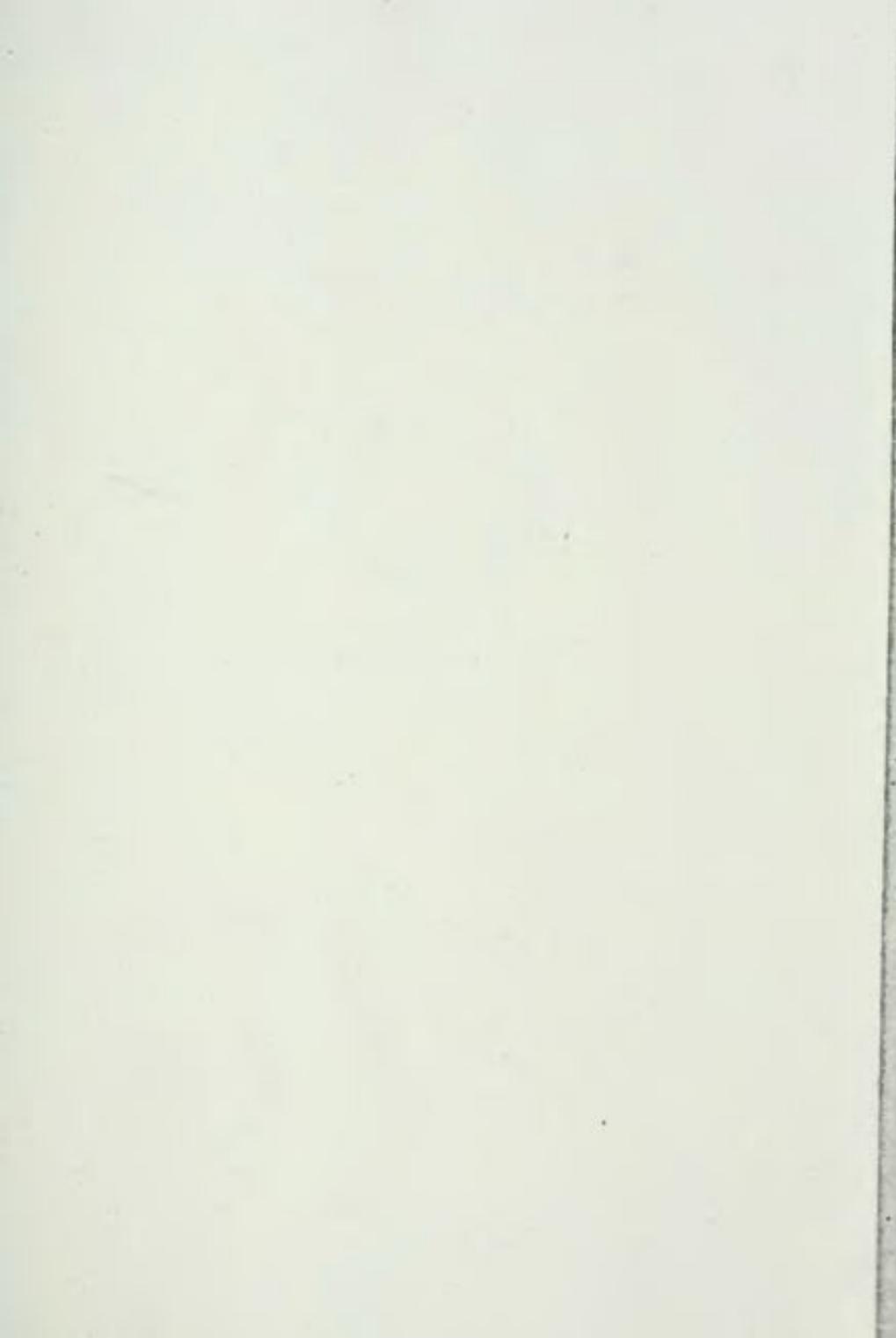
Я гибну. Пусть. Я вызовъ шлю судьбѣ.
Я смерть свою нашелъ въ самомъ себѣ.
Я гибну скорпіономъ—гордымъ, вольнымъ.

XIII.

* * *

Я люблю далекий следъ—отъ весла,
 Мпъ отрадно подойти—вплоть до зла,
 И его не совершишь—посмотрѣть,
 Какъ костеръ, вдалъ, за мной—будетъ тлѣть.

Если я въ мечтѣ поджегъ—города,
 Пламя зарева со мной—павсегда.
 О, мой братъ! Поэтъ и царь—сжегший Римъ!
 Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ!

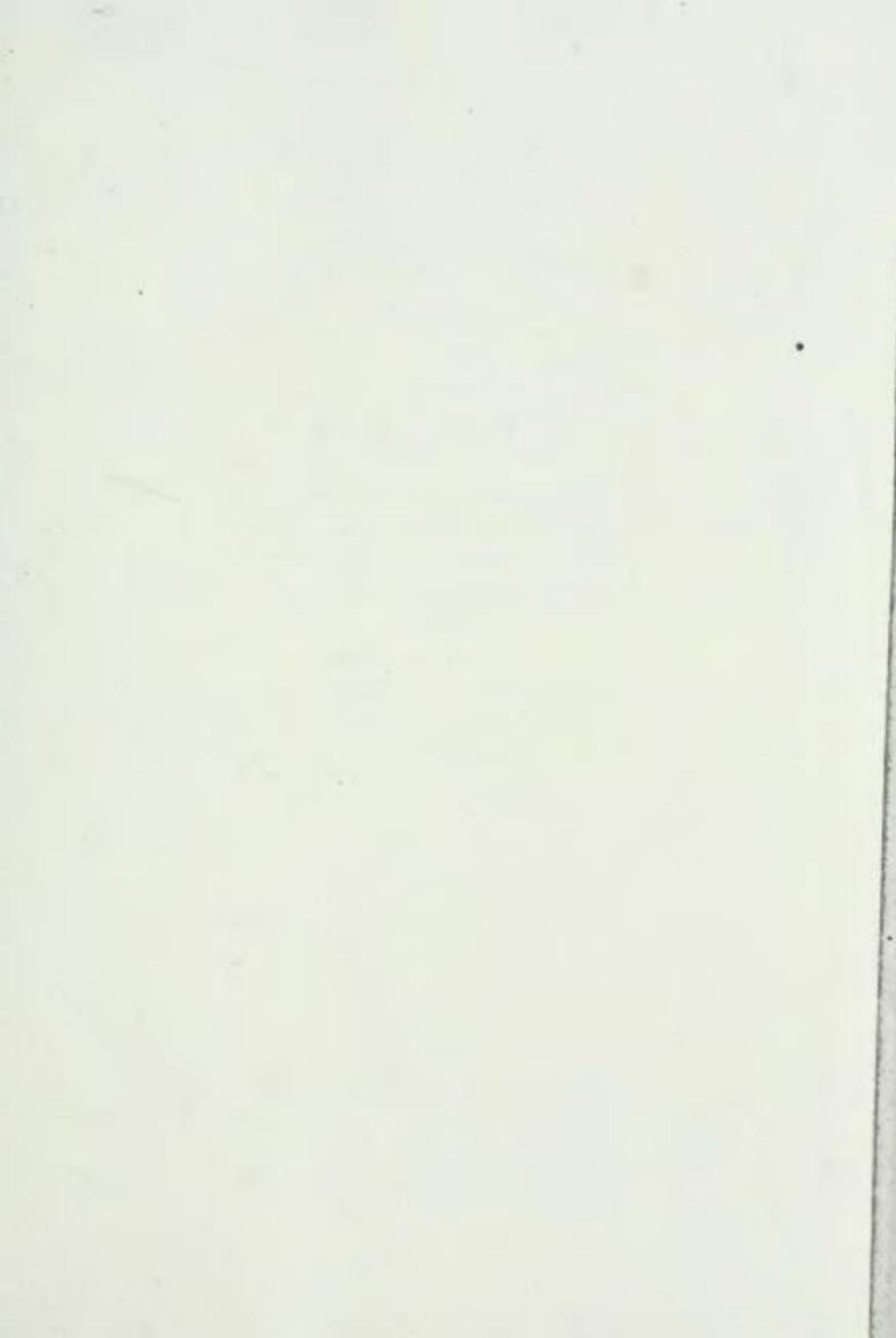
АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

And seem a saint, when most I play the devil.

King Richard III

Какусь сиянье, роль дьявола играя.

Ричард Третій

I.

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.

Ангелы опальные,
Свѣтлые, печальные,
Блески погребальные
Тающихъ свѣчей;—
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвѣты дучей;—
Взоры полусонные,
Нѣжные, влюбленные,
Дамкой окаймленныя,
Тонкія черты,
То мои несмѣлые,
То воздушно-блѣлые,
Сладко онѣмѣлые,
Легкіе цветы.

Чувственно-неясныя,
Дѣствительно-прекрасныя,
Въ страстиности безстрастныя,
Тайны и слова;—
Шорохъ приближенія,
Радость отраженія,
Нѣжный грѣхъ внушенія,
Дышащій едва;—
Зыбкія и страшныя,
Вкрадчиво-туманныя,

Въ сѣлости нежданныя,
Проблески огня,—
То мечты, что встрѣтятся
Съ тѣми, кѣмъ отмѣтены,
И опять засвѣтятся
Эхомъ для меня!

II.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви, несказанныя мною,
Въ моей душѣ горить и жгутъ меня.
О, еслибъ ты была рѣчной волною,
О, еслибъ я быть первой вспышкой дни!

Чтобы я, скользнувъ чутъ видимымъ сіянью,
Въ тебя проникъ дробящейся мечтой,—
Чтобы ты, моя блеснувъ очарованьемъ,
Жила своей подвижной красотой!

III.

ХЛОНЬЯ ТУМАНА.

1.

Можно вздрогнуть отъ звука шаговъ,
Не изъ чувства обмана,
А изъ жажды остаться вдвоемъ въ нетревожимъ счастіи сновъ,
Подъ владычествомъ чары, воздушной, какъ грань облаковъ,
Можно горько бояться, что свѣтлыя хлонья тумана
Разойдутся—не слившись, умрутъ,—слишкомъ рано.

2.

О, въ душѣ у меня столько словъ для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3.

Я какъ сонъ предъ тобой, я какъ сонъ голубой,
Задремавшій на синемъ цвѣткѣ.
Я какъ шорохъ весны, я какъ издохъ тишины,
Какъ тростникъ наклоненный къ рѣкѣ.
Я какъ легкій ковыль, какъ цвѣточная пыль,
Каждый мигъ и дышу, и дрожу.
Я какъ дѣтия мгла, что съѣтла и тепла,
И тебѣ все безъ словъ я скажу.

IV.

ОПЯТЬ.

Я хотѣлъ бы тебя заласкать вдохновеніемъ,
Чтобъ мои надѣи тобой трепетали мечты,
Какъ струится ручей мелодическимъ пѣніемъ
Заласкать наклонившихся лилій цвѣты,
Чтобы съ каждымъ нахлынувшимъ новымъ мгновеніемъ
Ты шептала: „Опять! Это—ты! Это—ты!“

О, я буду воздушнымъ и нѣжно внимательнымъ,
Буду вкрадчивымъ,—только не бойся меня,
И къ непознаннымъ снамъ, такъ желанно-желательнымъ,
Мы удѣмъ чрезъ сліяніе ночи и дnia,
Чтобъ угаданный свѣтъ быть какъ будто гадательнымъ,
Чтобъ мы оба закглись отъ того же огня.

Я тебя обожгу поцѣлуемъ томительнымъ,
 Несказаннымъ—однимъ—поцѣлуемъ мечты,
 И блаженство твое будеть сладко медлительнымъ,
 Между ночью и днемъ, у завѣтной черты,
 Чтобъ, закрывши глаза, ты въ восторгъ мучительномъ
 Прошептала: „Опять! Ахъ опять! Это—ты!“

V.

СРЕДИ КАМНЕЙ.

Я шелъ по выжженному краю
 Какихъ-то сказочныхъ дорогъ.
 Я что-то думалъ, что, не знаю,
 Но чтобъ не думать—я не могъ.

И полумертвые руины
 Полузабытыхъ городовъ
 Безмолвны были, какъ картины,
 Какъ голосъ памятныхъ годовъ.

Я вспоминалъ, я уклонялся,
 Я измѣнялся каждый мигъ,
 Но ближе-ближе наклонялся
 Ко мнѣ мой собственный двойникъ.

И утомительно мелькали
 Съ полуослыпшей высоты,
 Изъ тьмы руинъ, изъ яркой дали,
 Неговорящіе цветы.

Но на крутомъ внезапномъ склонѣ,
 Среди камней, я понизъ вновь,
 Что дышетъ жизнь въ нѣмомъ затонѣ,
 Что есть бессмертная любовь.

VI.

БЕЛЛАДОННА.

Счастье души утомленной—
 Только въ одномъ:
 Быть какъ цвѣтокъ полусонный
 Въ блескѣ и шумѣ дневномъ,
 Внутреннимъ сътомъ свѣтиться,
 Все позабыть, и забыться,
 Тихо, по жадно униться
 Тающимъ сномъ..

Счастье почной белладонны—
 Лаской убить.
 Взоры ея полусонны,
 Любо ей день позабыть,
 Свѣтомъ Луны расцвѣтаться,
 Сердцемъ съ Луною встрѣтиться,
 Тихо подъ вѣтромъ качаться,
 Изъ смерти любить.

Другъ мой, мы оба устали.
 Радость моя!
 Радости ить бѣль печали,
 Между цвѣтами—эмъя.

Кто же съ душой утомленной,
Вспыхнетъ мечтой полусонной
Кто расцвѣтеть белладонной,—
Ты или я?

VII.

Я БУДУ ЖДАТЬ.

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обѣщаешь навсегда.

Ты вся—безмолвіе несчастія,
Случайный свѣтъ во мглѣ земной,
Неизѣяснишь сладострастія,
Еще не познаннаго мной.

Своей усмѣшкой вѣчно-кроткою,
Лицомъ всегда склоненнымъ иницъ,
Своей первиною походкою
Крылатыхъ, но не ходкихъ птицъ,

Ты будишь чувства тайно-спящія,—
И знаю, не затмить слеза
Твои куда-то прочь глядящіе,
Твои невѣрные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста къ устамъ, прильнуть ко мнѣ,

Но я не знаю высшей сладости,
Какъ быть съ тобой наединѣ.

Не знаю, смерть-ли ты нежданная,
Иль перерожденная звѣзда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

VIII.

НѢЖИЋЕ ВСЕГО.

Твой смѣхъ прозвучалъ, серебристый,
Нѣжитѣй, чѣмъ серебряный звонъ,—
Нѣжите, чѣмъ ландышъ душистый,
Когда онъ въ другого влюбленъ.

Нѣжитѣй, чѣмъ признанье во взглядѣ,
Гдѣ счастье желанья зажглось,—
Нѣжите, чѣмъ съѣтлыя пряди
Виезапно упавшихъ волосъ.

Нѣжите, чѣмъ блескъ водоема,
Гдѣ слитное иѣніе струй,—
Чѣмъ пѣсня, что съ дѣтства знакома,
Чѣмъ первой любви поцѣлуй.

Нѣжите того, что желанно
Огнемъ волшебства своего,—
Нѣжите, чѣмъ Польская панна,
И, значитъ, шакиће всего.

IX.

ВОЛНА.

Набываеть, уходить, и снова, свѣтясь, возвращается,
 Улыбается, манить, и плачетъ съ притворной борьбой,
 И украдкой сѣдить, и обманно съ тобою прощается,—
 И мелькаеть, какъ кружево, итина во мглѣ голубой.
 О, волна, подожда! Я уйду за тобой!
 О, волна, подожди! Но отхлынуль прибой.

Серебристыя иitti отъ новой Луны засвѣчаются,
 Все волнистѣй и воздушнѣй—улыбвшему въ даль кораблю.
 И лучистыя волны встрѣчаются, тихо качаются,
 Выростаетъ незримое рабство, я счастливъ, я силю.
 И смеется волна: «И тебѣ утошлю!
 „Утошлю, потому что безмѣрию люблю!“

X.

ОСЕНЬ.

Вы умрете, стебли травъ,
 Вы вершинами встрѣчались,
 Въ легкомъ вѣтрѣ вы качались,
 Но, блаженства не видавъ,
 Вы умрете, стебли травъ.

Въ рощѣ шелестъ, шорохъ, свистъ
 Тихій, ровный, заглушенный,
 Отдаленно-приближенный.

Умираеть каждый листъ,
Въ рощѣ шелестъ, шорохъ, свистъ.

Солнце падаютъ листы,
Смутно шепчутся вершины,
И березы, и осины.
Съ измѣненной высоты
Солнце падаютъ листы.

XI.

ОТЦВѢТИ.

Отцвѣти—о, давно!—отцвѣли орхидеи, мимозы,
Сновидѣныя вагрѣтыхъ и душныхъ и влажныхъ теплицъ.
И въ пространствѣ, застывшемъ, какъ мертвений цвѣть туберозы,
Чуть скользяще очертанья поблекшихъ разлюбленныхъ лицъ.

И блѣдѣютъ, и тонуть въ дунѣ, гдѣ развалины дремлють,
Въ этой бездѣлѣ, гдѣ много, гдѣ все пробѣгасть на мигъ,
Въ переходахъ, гдѣ зиукамъ ихъ отзуки, вторя, не внемлють,
Гдѣ одинъ для меня сохранился искривленій ликъ.

Этотъ образъ—въ созвучіи страннымъ съ душою мою,
Въ этомъ ликѣ мы оба съ тобою узнаемъ себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смѣю,
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, люби.

Я люблю съ безупречной иѣжностью духа и братца,
Я люблю, какъ звѣзду отдаленная любить звѣзда,
Какъ цветокъ, что еще не растратилъ въ дунѣ аромата,
Я съ тобой—я люблю—я съ тобой—разлученъ—павсегда.

XII.

ЗАМОКЪ ДЖЭНЪ ВАЛЬМОРЪ.

ВАЛЛАДЪ.

1.

Въ старинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ,
 Красавицы надменной,
 Толпятся гости съ давнихъ поръ,
 Въ тоскѣ безперемѣнной:
 Во взоръ ея лишь бросишь взоръ,
 И ты павѣки цѣлый.

2.

Красивы замки старыхъ лѣтъ.
 Зубцы ихъ сѣрыхъ башенъ
 Какъ будто льють чутъ зримый свѣтъ,
 И страненъ онъ и страшенъ,
 Штымы огнемъ былыхъ побѣдъ
 Ихъ гордый ликъ украшенъ.

3.

Мосты подъемные и рвы,—
 Замкнутыя владѣнья.
 Здесь почю слышать кракъ совы,
 Здесь бродить прицѣлья.
 И страненъ вздохъ сѣдой травы
 Въ часъ луннаго затмѣнья.

4.

Въ старинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ
 Чуть почь—звучать баллады.
 Поеть струна, встаетъ укоръ,
 А гдѣ-то—водопады,
 И дологъ гуль окрестныхъ горъ,
 Отвѣтствуютъ громады.

5.

Сегодня день рождения Джэнъ.
 Часы тяжелымъ боемъ
 Сымаютъ всѣхъ, кто взять ей въ пленъ,
 И вотъ проходять роемъ
 Красавцы, Гроль, и Ральфъ, и Свенъ,
 Но сумрачныи покоямъ.

6.

И пѣжыхъ дѣвъ, сосѣднихъ горъ
 Здѣсь ярко блещутъ взгляды,
 Эрглэйтъ, Липоръ,—и яснѣ взоръ
 Пышноволосой Ади.—
 По всѣхъ прекрасный Джэнъ Вальморъ,
 Въ честь Джэнъ звучать баллады.

7.

Пѣвучій танецъ заструилъ
 Медитательныи чары.
 Пусть будетъ съ милой кто ей миль,
 И вотъ кружатся пары.
 Но боязь любви движеньемъ крылъ
 Сердцамъ готовить кары.

8.

Да, взоръ одинъ на путь измѣнъ
 Всѣхъ манитъ неустанно.
 Все въ жизни—дымъ, все въ жизни—тѣнь,
 А въ смерти все туманно.
 Но ради Джэнъ, о, ради Джэнъ,
 И смерть сама желания.

9.

Быть полночь.—„Полночь!“—Звучный хоръ
 Пропѣлъ балладу ночи.—
 „Безнечныхъ дней цѣтной узоръ
 „Быть давнинъ, сталь короче“.—
 И вотъ у гордой Джэнъ Вальмѣръ
 Блеснули страшно очи.

10.

Въ полночный садъ зоветъ она
 Безумныхъ и влюбленныхъ,
 Тамъ иѣжно царствуетъ Луна
 Межъ едей полуночныхъ,
 Тамъ дышетъ иѣжно тишина
 Среди цѣтовъ склоненныхъ.

11.

Они пдуть, и садъ молчать,
 Прохлада падъ травою,
 И только адѣсь и тамъ кричать
 Сова надъ головою,
 Да въ замкѣ музыка звучать
 Прощальною мольбою.

12.

Идуть. Но вдругъ одинъ пропалъ,
 Какъ блѣдное видѣнье,
 Другой холоднымъ камнемъ сталъ,
 А третій—какъ растеніе.
 И обнялъ всѣхъ незримый валъ
 Волненіемъ измѣненъ.

13.

Подъ желтой дымною Лупой,
 Въ саду съ травой сѣдою,
 Безумцы, нестрой пелепой,
 И разной чередою,
 Одѣлись формою иной
 Предъ дѣвой молодою.

14.

Исчезли Гроль, и Ральфъ, и Свенъ
 Среди растеній сада.
 Къ цветамъ павѣкъ пошли въ плѣнь
 Эрглонъ, Липоръ, и Ада.
 Въ глазахъ зеленоглазой Джентъ—
 Змѣиная отрада.

15.

Она одна, окружена
 Тѣлами ей убитыхъ.
 Дыханій много пшѣтъ она
 Изъ этихъ травъ излитыхъ.
 Въ ней—осень, ей нужна весна
 Восторговъ ядовитыхъ.

16.

И потому, сплетясь въ узоръ,
 Въ тоскѣ безперемѣнной,
 Томятся души съ давнихъ поръ,
 Толстой навѣки пѣснѣй,
 Въ старинномъ замѣтъ Джонъ Вальморъ,
 Красавицы надменной.

XIII.

ЧАРЫ МѢСЯЦА.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ.

1.

Межу скалъ, подъ властью мглы,
 Спять усталые орлы.
 Вѣтеръ въ пропасти уснуль,
 Съ Моря слышенъ смутный гулъ.

Тамъ, надъ блѣдною водой,
 Глянуль Мѣсяцъ молодой,
 Волны темныя воззваль,
 Въ Морѣ всыхнуль мертвый валъ.

Въ Морѣ всыхнуль свѣтлый мостъ,
 Ярко дышутъ брызги звѣздъ.
 Мѣсяцъ ночь освободилъ,
 Мѣсяцъ Море побѣдилъ.

2.

Сводъ небесъ похолодѣлъ,
Мѣсяцъ міромъ овладѣлъ,
Жаднымъ свѣтомъ съ высоты
Тронулъ горные хребты.

Все безмолвно захватилъ,
Вызвалъ духовъ изъ могилъ.
Въ стѣрыхъ башняхъ, вдоль стѣны,
Встали тѣла старины.

Встали тѣла и глядѣть,
Страненъ ихъ недвижный взглядъ,
Странно небо надъ водой.
Властелъ Мѣсяцъ молодой.

3.

Воалѣ башни, у стѣны,
Гдѣ чутъ слышенъ шумъ волнъ,
Отдѣлился въ полумглѣ
Бѣлый призракъ Джамелъ.

Призракъ царственныи княжны
Вспомнилъ счастье, вспомнилъ сны,
Все, что было такъ свѣтло,
Что ушло—ушло—ушло.

Тотъ же воздухъ былъ тогда,
Та же блѣдная вода,
Тамъ, высоко надъ водой,
Тотъ же Мѣсяцъ молодой.

4.

Все сплось тогда въ одно
Лучезарное звено.
Какъ-то странно, какъ-то вдругъ,
Все замкнулось въ яркій кругъ.

Надъ проарачной мглой земли
Небеса проплесли,
Измѣняясь едва,
Незабвенные слова.

Море пѣло о любви,
Говоря, „Живи! живи!“
Но, хоть всыхнуль въ сердцѣ свѣтъ,
Отвѣчало сердце: „Нѣть!“

5.

Возлѣ башни, въ полуѣглѣ,
Плачеть призракъ Джамила.
Смотрѣть тѣни вдоль стѣны,
Свѣтить Мѣсяцъ съ вышини.

Все сизынѣ идѣть прибой
Отъ равнини голубой,
Отъ долини быстрыхъ водъ,
Вѣчно мчащихся впередъ.

Волны яркія плывутъ,
Волны къ счастію зовутъ,
Вспыхнетъ легкая вода,
Вспыхнувъ, гаснетъ навсегда.

6.

И еще, еще идуть,
И одни другихъ не ждутъ.
Каждой данъ одна лишь мигъ,
Съ каждой есть волна-двойникъ.

Можно только разъ любить,
Только разъ блаженнымъ быть,
Впить въ себя восторгъ и свѣтъ,—
Только разъ, а больше—нѣтъ.

Камень падаетъ въ дно,
Дважды жить памъ не дано.
Кто-жъ придетъ къ тебѣ во мглѣ,
Бѣзный призракъ Джамілѣ?

7.

Вотъ ужъ съ яркою звѣздой
Гаснетъ Мѣсяцъ молодой.
Меркнеть жадный свѣтъ его,
Исчезаетъ колдовство.

Скучнымъ утромъ дышетъ даль,
Старой башни ночи жаль,
Камилъ сѣрые глядятъ,
Неподвижень мертвый взглядъ.

Вѣтеръ въ пропасти встаётъ,
Пѣсню скучную поетъ,
Между скаль, подъ влагой мглы,
Просыпаются оры.

XIV.

* * *

Можно жить съ закрытыми глазами,
 Не желая въ мірѣ ничего,
 И павѣкъ проститься съ небесами,
 И понять, что все кругомъ мертво.

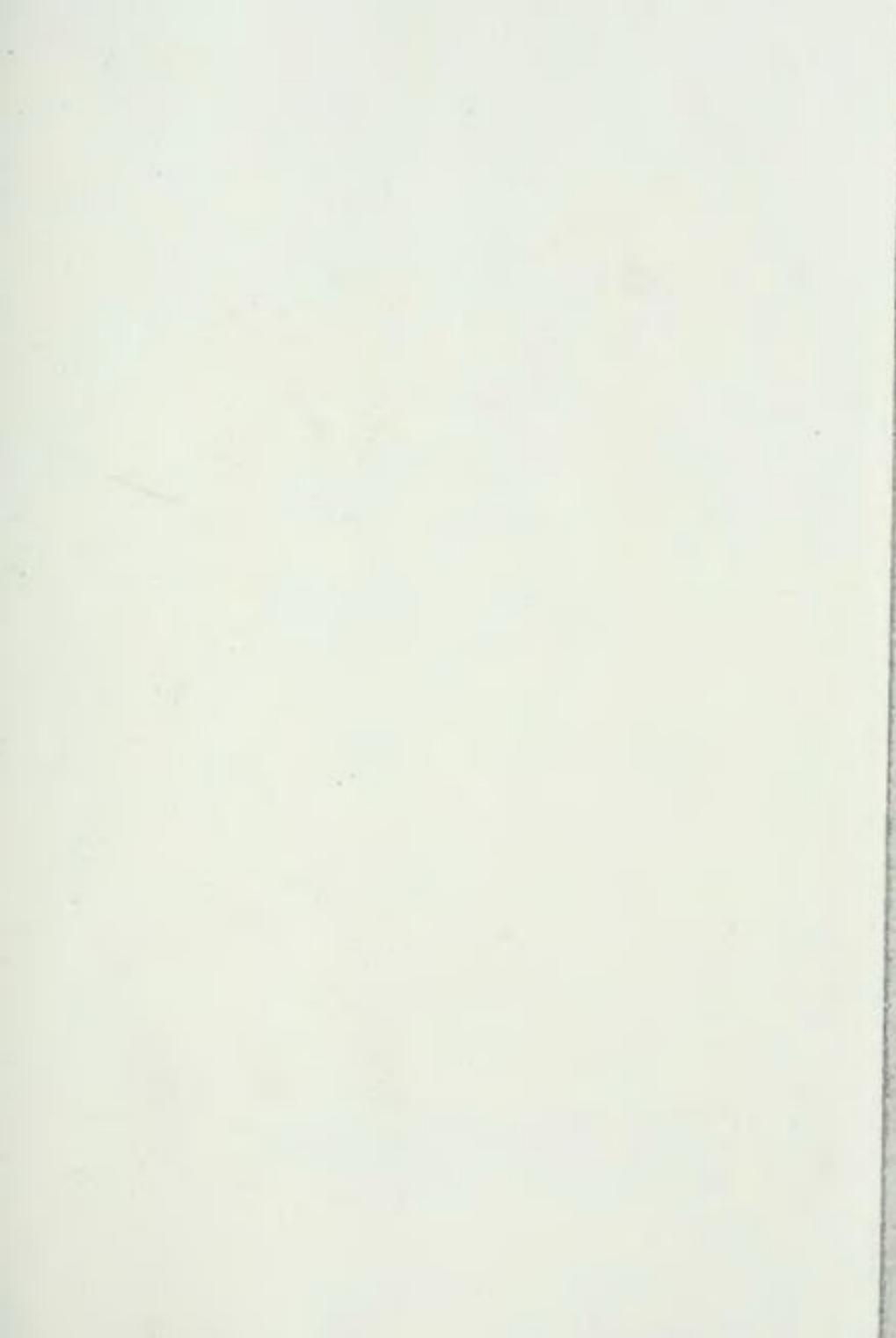
Можно жить, безмолвно холода,я,
 Не считая гаснущихъ минутъ,
 Какъ живеть осенний лѣсъ, рѣдѣя,
 Какъ мечты поблекшія живутъ.

Можно все завѣтное покинуть,
 Можно все беззѣдно разлюбить.
 Но нельзя къ минувшему остынуть,
 Но нельзя о прошломъ позабыть!

СОВѢСТЬ

Je dis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces av.ugles?
Baudelaire

Я говорю: Страны! Что нужно имъ съ Неба?
Бодлеръ

I.

СУМРАЧНЫЯ ОБЛАСТИ.

Сумрачныя области совѣсти моей,
Чѣмъ же вы освѣтитесь на исходѣ днѣй,—
Сумраки отчаянья, дыма, и страстей?

Вы ростете медленно, по какъ глыбы тучъ,
Вашъ провалъ безмолвія страшенья и могучъ,
Вы грозите скрытою гибельностью круть.

Послѣ дѣтства ровнаго съ прелестью луговъ,
Послѣ отысканія новыхъ береговъ,
Наши мысли гонять нась, гонять, какъ враговъ.

Ни минуты отдыха, жизнь къ себѣ зоветъ,
Дышеть глянцевитостью пашь водоворотъ,
Ни минуты отдыха, дальше, все впередъ.

Чуть мечтой измѣряешь дальниe края,
Быть уже испорчена молодость твоя,
Стынетъ впечатлительность къ сказкамъ бытія.

И душой холодной, полной пустоты,
Въ жаждѣ новыхъ приностей, новой остроты,
Тинеешься, дотинеешься до своей черты.

До черты губительной въ бездѣ голубой,
Гдѣ ты вдругъ очутишься—съ призракомъ—съ собой,
Искаженный жадностью, грубый, и слѣпой.

И среди отчаянья, дыма, и тѣней,
Чѣмъ же ты освѣтишься на исходѣ днѣй?
Горе! Какъ ты встрѣтишься съ совѣтствомъ своей?

II.

ПОДЪ ЯРМОМЪ.

Какъ подъ ярмоъ быки влѣкуть тяжелый возъ,
И оставляютъ слѣдъ продолговатою колесъ,
Такъ наши помыслы, намѣренья, дѣянья
За изами тищутся, готовы горечь слезъ,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья,—
Они наклоняются, и, рухнувъ, какъ утесь,
Глухими гулами ворвутся къ памъ въ сознанье,
Какъ крикъ раскаянья, какъ волна воспоминанья.

III.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Стараясь выбирать тѣнистыя мѣста,
Яѣхалъ по лѣсу, и эта красота
Деревьевъ, дремлющихъ въ полуценномъ покой,
Какъ бы недвижимо купающихся въ звуѣ,
Меня баюкала, и въ душѣ мнѣ проникъ
Дремотныхъ помысловъ мерцающій родникъ.

Я вспоминаль молодость... Обычныя мгновенія
Надеждъ, паничности, влюбленистіи, забвенья,
Что свѣтить пламенемъ воздушно-голубымъ,
И превращается впезанно въ черный дымъ.

Зачѣмъ такъ памятно, нѣмою пеленою,
Видѣнья юности, вы встали предо мною?
Уйдите. Мне нельзя вернуться къ чистотѣ,
И я уже не тотъ, и вы уже не тѣ.
Вы только призраки, вы горькіе упреки,
Терзанья совѣсти, просроченные сроки.
А я двойникъ себѣ, я всадникъ на конѣ,
Безнѣльноѣдушій—куда? Кто скажетъ мнѣ!
Все помню... Старый садъ... Цѣты... Чуть дышутъ вѣтки...
Тамъ счастье плакало въ заброшенной бесѣдкѣ,
Тамъ кто-то былъ съ лицомъ, въ которомъ болѣлъ нѣть,
Съ лицомъ моимъ—увы—моимъ въ шестнадцать лѣтъ.
Неподражаемо-стыдливыя спданыя,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющія въ душѣ лишь въ тѣ годы,
„Люблю“, „Я твой“, „Твоя“, „Мой милый“, „Навсегда“. . .
Какъ сладко вмѣстѣ быть! Какъ страшно сѣть съ ней рядомъ!
Какъ можно выразить всю душу быстрымъ взглядомъ!
О, сказкой ставшая, поблѣдѣвшая быль!
О, крылья бабочки, съ которыми стерлась пыль!

Темнѣй ложится тѣнь, сокрыть густымъ навѣсомъ
Родной мой старый садъ, смѣнивший двикимъ лѣсомъ.
Невинный шошотъ сновъ, ты сердцемъ позабыть,
Я слышу грубый звукъ, я слышу стукъ конята.
То голосъ города, то гулъ глухихъ страданій,
Рожденныхъ сумракомъ иѣмыхъ и тяжкихъ зданій.
То голосъ призраковъ, замученныхъ тобой,
Кошмаръ, исполненный уродливої борьбы.

Живое кладбище блуждающих скелетовъ
 Съ гнилымъ роскошествомъ заученныхъ отвѣтовъ,
 Очагъ, въ чью пасть идуть хлѣба съ кровавыхъ нивъ,
 Гдѣ слабымъ мѣста пѣть, гдѣ сплѣнь тотъ, кто лживъ.
 Но тамъ есть счастіе—уйти безповоротно,
 Душой своей души, къ тому, что мимолетно,
 Что свѣтить радостью иного бытія,
 Мечтать, искать, и ждать,—какъ сдѣлалъ это я.
 Мифъ грезились міры, рожденные мечтою,
 Я землю осѣпилъ своею красотою,
 Я всѣхъ любилъ, на все склонилъ свой чуткій взоръ,
 Но мракъ ужъ двинулся, и шель ко мифу, какъ воръ.

Миѣ стыдно иллюстрировать печальныхъ приключеній,
 Веселію же жаждать я, а мой вампирій геній
 Быть и просто женщиною, познавшей лишь одно,
 Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
 Она такъ медленно раскидывала сѣти,
 Мы веселились съ нею, мы были съ нею какъ дѣти,
 Произнанъ солицемъ былъ ласкаюшій туманъ,
 И я на шеѣ вдругъ почувствовалъ арканъ.
 И пылѣство дикое, чумной порокъ Россіи,
 Съ непобѣдимостью властительной стихіи,
 Меня изгринуло съ лазурной высоты
 Въ провалы низости, тоски, и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшать воспоминанья.
 Хочу забыть себя, убить самосознанье.
 Чѣмъ пользы вспоминать теперь, передъ концомъ,
 Что я случайно былъ и мужемъ, и отцомъ,
 Что хоронилъ дѣтей, что иногда, случайно...
 О, нѣть, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
 Умреть въ тебѣ самомъ, какъ умерло давно,

Что было такъ сътъло Судьбой тебѣ дано.
 Но гдѣ я? Что со мной? Вокругъ меня завѣса
 Непроницаемо-запутаннаго лѣса,
 Повсюду—острые и пѣкіе концы
 Вѣтвей, изогнутыхъ и скрученыхъ, какъ щипцы,
 Они назойливо царапаютъ и ронять,
 Дорогу застѣть мнѣ, глаза мои туманять,
 Встають преградою смутнѣшемуся длю,
 Ложатся подъ ноги взыгравшему коню.
 Я вижу чудища за ветхими стволами,
 Они сидѣть за мной, мигаютъ мнѣ глазами,
 Съ кривой улыбкою.—Послѣдній лучъ исчезъ.
 Враждебнымъ ропотомъ и смѣхомъ полонъ лѣсъ.
 Вершины шорохомъ окутались ростущимъ,
 Какъ бы предчувствіемъ предъ сумрачнимъ грядущимъ.
 И тучи зыбкія, на небѣ голубомъ,
 Съ змѣистой молнией рождаются гулъ и громъ.
 Ударъ, еще ударъ, и вотъ вблизи падѣво,
 Исполненъ ярости и мстительнаго гиѣла,
 Взметнулся огненный пылающій языкъ.
 Въ сухомъ валежникѣ какъ будто чей-то крикъ,
 Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье,
 И замеръ. И кругомъ, вездѣ—огонь, шинѣнье,
 Деревенье—факеловъ кинялій дымный адъ,
 И бури бѣшеной раскатистой набать.
 Порвавши повода, средь чаднаго тумана,
 Какъ бы охваченный прибоемъ Океана,
 Мой конь несетъ меня, и страшно-жутко мнѣ
 На этомъ взмълленномъ испуганномъ конѣ.
 Лѣсной пожаръ гудить. И поняль предиѣщанье,
 Передъ душой моей вы встали на прощанье,
 О, тыли прошлаго!—Простите же меня,
 На страшномъ рубежѣ, средь дыма и огня!

IV.

РАЗСВЪТЬ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Я помню... Ночь кончалась,
 Какъ-будто таялъ дымъ.
 И какъ она смыкалась
 Газевѣтомъ голубымъ.

Безмолвно мы разстались,
 Чужие навсегда.
 И больше не видались.
 И канули года.

И память измѣняла,
 Тебя я забывала.
 Иль бѣднаго бокала
 Блаженство дошивала.

И новыми огнями
 Себя я осѣнила.
 И дни ушли за днями,
 И жизнь я вновь любила.

Не жизнь, а прозибаше
 Въ позорномъ полуницѣ:
 Я шла безъ колебанья,
 Несколько мечты въ винѣ.

И вътъ хоочутъ струны,
Безчинствуетъ порокъ,
И всѣ душою юны:
Разсвѣть еще далекъ.

Смѣлѣеть опьянење,
И сердцу жизнъ смѣшина.
Растали сомиѣниа,
Исчезла глубина.

И крѣпко спать упрека.
И манить вновь и вновь—
Подкрашенныя щеки,
Поддѣльная любовь.

И мигъ забвения лаетъ,
И царствуетъ вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Но кто это смущаетъ
Туманностью лица
И молча позвѣщаетъ,
Что правдѣ нѣть конца?

То чудится мнѣ снова,
Въ послѣдній мигъ утѣхъ,
Разсвѣта голубого
Нѣмой холодный смѣхъ.

И пляшущія тѣни
Застыли, отошли.
Я вижу вновь ступени,
Забытые вдали.

И все, чѣмъ жилъ когда-то,
И слова полюбили.
Но больше пѣть возврата
Къ тому, чѣмъ прежде былъ..

Зловѣщая старуха,
Судьба глядитъ въ окно.
И кто-то шепчетъ глухо,
Что я погибъ давно.

V.

ДЫМЪ.

Мы начиляемъ дни свои
Среди цветовъ и мотыльковъ,
Когда прозрачные ручьи
Бѣгутъ межъ узкихъ береговъ.
Мы дѣтство празднуемъ, смеясь,
Подъ небомъ близкимъ и роднымъ,
Мы видимъ пламя каждый часъ,
Мы видимъ свѣтлый дымъ.

И по теченью мы идемъ,
И стань нестрыя стрекозъ,
Подъ Солнцемъ, точно подъ дождемъ,
Сываютъ брызги свѣтлыхъ слезъ.

И по теченью мы слѣдимъ
Мельканья косвенныя рыбъ,
И точно легкій темный дымъ,
Подводныхъ травъ изгибъ.

Счастливый путь. Прозрачна даль.
Закатный часъ еще далекъ.
Быть можетъ близокъ. Намъ не жаль.
Горить и зашадь и востокъ.
И мы простились съ нашимъ днемъ,
И мы, опомнившись, глядимъ,
Какъ въ вѣбѣ темно-голубомъ
Плыть кровавый дымъ.

VI.

И ПЛЫЛИ ОНИ.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
Во мракѣ, но съ жаждою снѣта.
И ужасъ внезапный обвязъ ихъ сердца,
Когда дождались отвѣта.

Огонь появился предъ изборами ихъ,
Въ обрыи лазури туманиой.
И бытъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
Но ужасъ обвязъ ихъ нежданный.

Какъ тѣни слѣпныя, закрыши глаза,
Сидѣли они, засыпая.
Хоть спали—не спали, имъ снилась гроза,
Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
Но свѣтъ имъ бытъ виденъ сквозь вѣки,
И вѣчность раздвинулась, грозно-мертвя;
Все рѣки, безмолвныя рѣки!

На лонѣ ростущихъ чернѣющихъ водъ
Зажегся пожаръ безпредѣльный.
И сияющіе призраки плыли впередъ,
Дорогой прямой и безцѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвца,
Качался въ спекающемъ дымѣ.
И плыли они безъ конца, безъ конца,
И путь свой свершили—слѣпыми.

VII.

СКРИЖАЛИ.

Мы раздробленныя скрижали.
Случаекъ

Какъ же Миръ не распадется,
Если онъ возникъ случайно?
Какъ же онъ не содрогнется,
Если въ немъ начало—тайна?

Если гдѣ-нибудь, за Міромъ,
Кто-то мудрый Міромъ править,
Отчего жъ мой духъ, вамиромъ,
Сатану поеть и славить?

Смерть свою живымъ пытаетъ,
Любить шабашъ преступленья,
И колмары созидасть
Въ ликованья изступленья.

А едва извѣданъ низость,
И настытившись позоромъ,
Снова вѣрить въ чью-то близость,
Щетъ снѣта тусклымъ взоромъ.

Такъ мы все идемъ къ чему-то,
Что для насъ неостижимо.
Дверь завѣтиная замкнута,
Мы скользимъ, какъ тѣнь отъ дыма.

Мы отъ всѣхъ путей далеки,
Мы вездѣ найдемъ печали.
Мы—запутанныя строки,
Раздробленная скрижали.

VIII.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТИ.

Змѣй темно-желтый, чье дыханье—ядъ,
Чей смертоносень вѣчно-жадный взглядъ,
Глядитъ,—и близъ него дрожитъ блудница,
Волшебная и быстрая, какъ птица.

Онъ мучаетъ, онъ жалить безъ конца,
Цвѣты жизни прогоняетъ онъ съ лица,

Ея душа его душой могучая,
Шатается, качается, какъ туча.

Глоома желтый, выточи копье,
Произи мое глухое забытье,
Я, темный, жду, какъ кротъ, во мракѣ ролсь,
Тебѣ Маздао дать илляндый поясъ.

Глоома желтый, чистыхъ мыслей другъ,
Закуй меня въ алмазно-твёрдый кругъ,
Направь свое оружье на блудницу,
Убей скорѣй уклончивую птицу.

Глоома желтый, сильный сынъ Земли,
Моей мольбы мучительной виновни,
Я падаю, я падаю, пѣмъя,
Скорѣй убей чудовищнаго змѣя.

IX.

КОНЕЦЪ МИРА.

СОНЕТЬ.

Начало жизни, это—утро Мал,
Ея конецъ—отравленный родникъ.
Предсмертныи буримъ вѣчности внимая,
Духъ человѣка въ ужасъ попикъ.

Въ устахъ, ко лжи привыкшихъ, сдавленъ крокъ.
Нозоръ, паденія ярко понимал,
Умъ видѣть алчныхъ духовъ адскій ликъ.
Тоска—вездѣ—навѣкъ—тоска нѣмая.

Могильнымъ блескомъ вспыхнулъ странный звон,
И душа, какъ листы цветовъ лѣтные,
Горятъ,—кипятъ, свистать пожаръ лѣсной.

И сводъ небесъ, какъ куполь вырѣзной,
Не звѣздами запекрился впервые,
А гнильстью, пасмуркой надъ весной.

X.

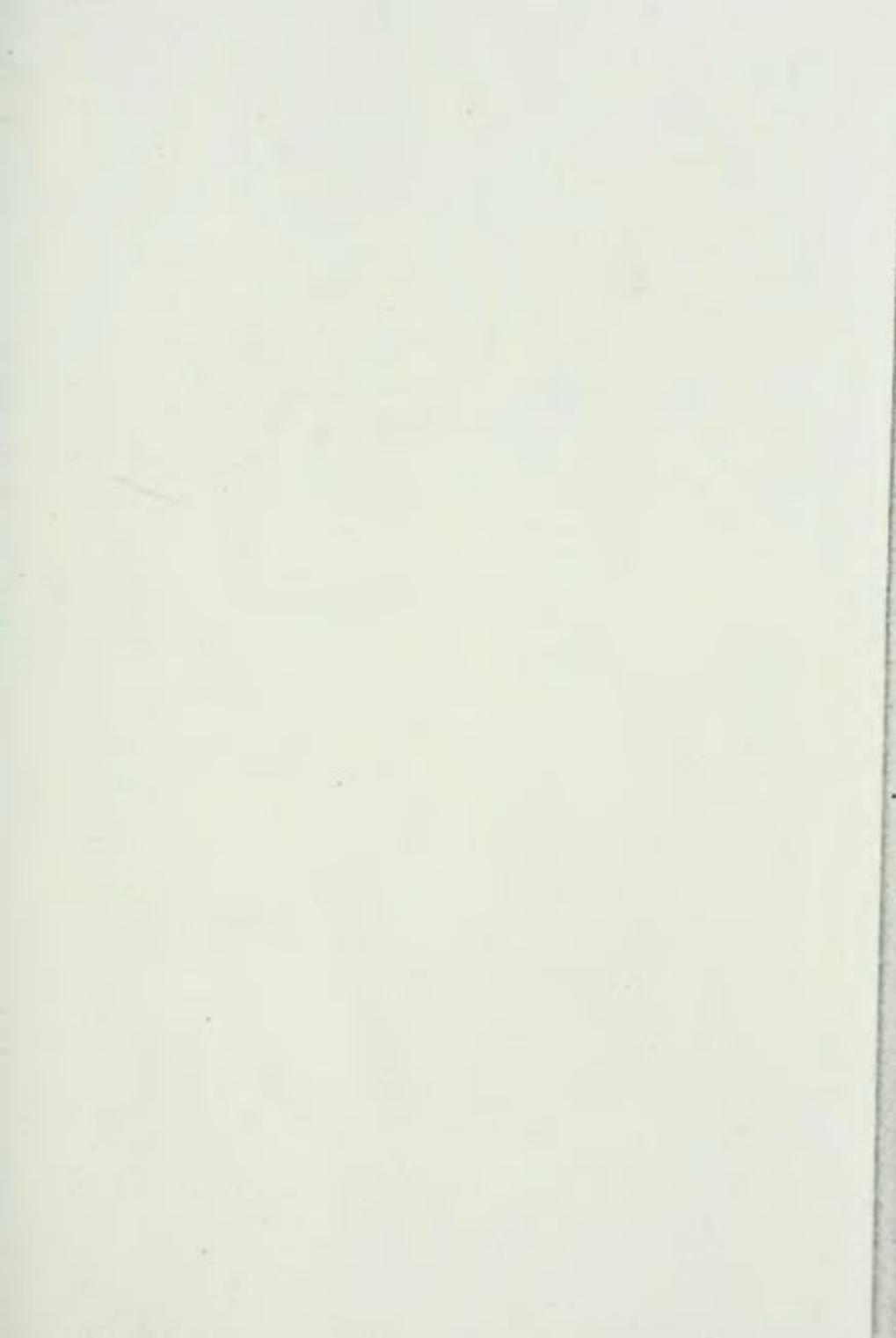
ВЪ АДУ.

Если, медленно падай,
Капли жгучей смолы,
Мучителей-демоновъ радуй,
Оттѣняють чудовищность мглы.—

Митъ всегда представляется,
Будто вновь я живу,
И сердце мое разрывается,
Но впервые—митъ все—наяву.

Вижу всю прописнюю,
Боль ростеть и не ждеть.
Но славлю я благость Господнюю!
Это было! Онь изъ адъ слизойдетъ!

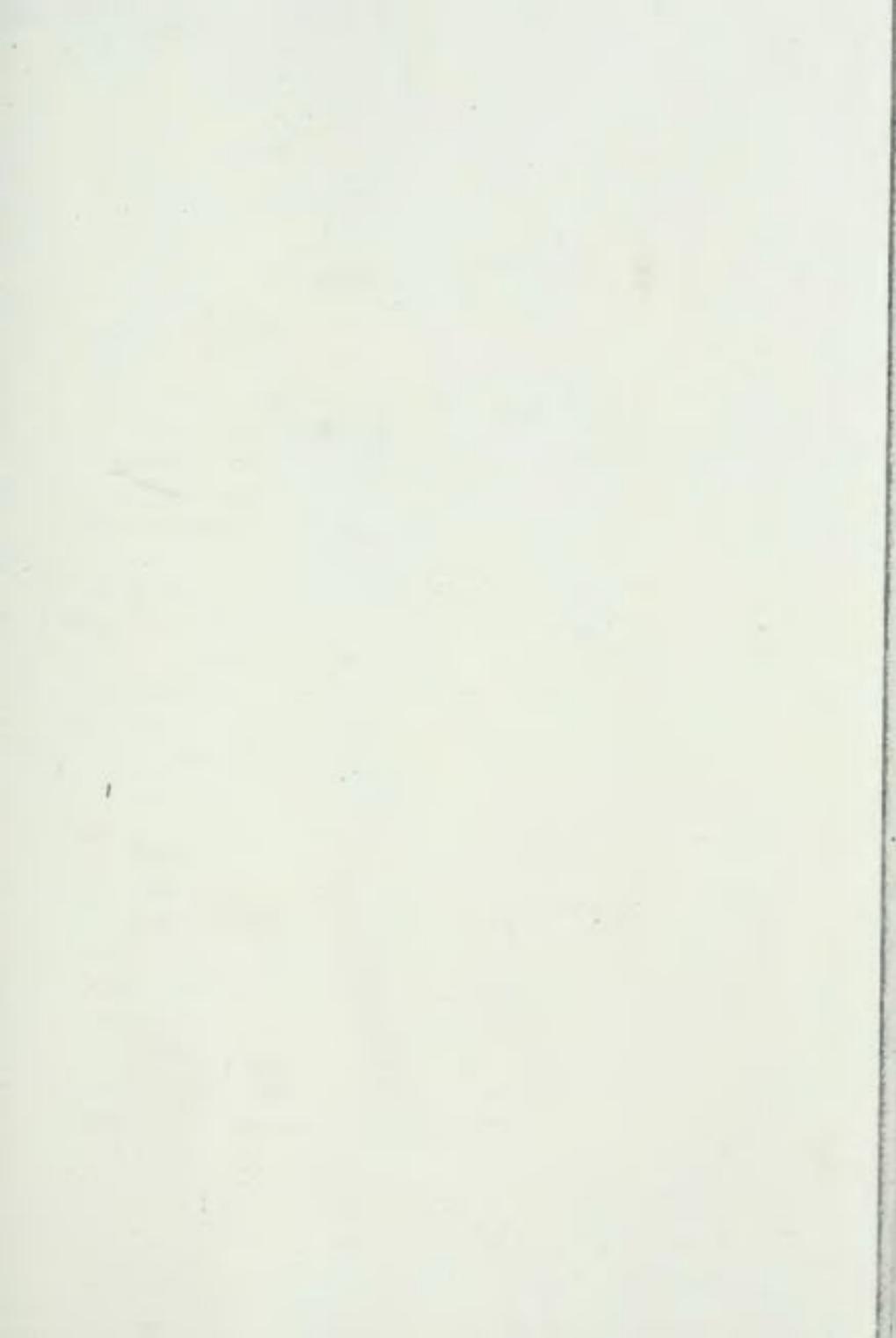
Эта мгла—не обманяя,
Лжи въ страданийхъ иѣть.
Привѣтъ новизнѣ! О, желанная!
Буду мучиться тысячи лѣтъ!

СТРАНА НЕВОЛИ

VerJugo es mi pensamiento.
Calderon

Моя мысль—паззль.
Кальдеронъ

I.

СТРАНА НЕВОЛИ.

*Cocq-en-die. Cocq-en-die.
Bois de jour, bois de la nuit.
Villiers.*

Я попалъ въ страну Неволи. Іду ночью,—всюду лѣсъ,
 Іду днѣмъ,—и сѣть деревьевъ заслоняетъ глубь небесъ.
 Въ ограниченномъ пространствѣ, межъ вершинами и мной,
 Лишь летучія сѣтіянки служатъ солнцемъ и луной.
 Промелькнуть, блеснуть, исчезнуть,—и опять зеленый мракъ.
 И не знаешь, гдѣ дорога, гдѣ раскрывшійся оврагъ.
 Промелькнуть, сверкнуть, погаснуть,—и на мигъ въ душѣ моей
 Точно зовъ, но зовъ загробный, встанетъ память прошлыхъ дней.
 И тогда въ узорахъ вѣтка ясно вижу предъ собой
 Письмена итмыхъ проклятій, мѣтъ нашептанныхъ Судьбой.
 О безбрежность, неизѣжность непонятнаго пути!
 Если каждый шагъ— ошибка, кто же миѣ вѣдѣть идти?
 Развѣ я своюю волей въ этомъ сказочномъ лѣсу?
 Развѣ я ве задыхаюсь, если въ сердцѣ грѣхъ несусъ?
 Развѣ миѣ не страшно биться между спутанныхъ вѣтвей?
 Врагъ? Откликаешься! Ить отвѣта, ить луча душѣ моей.
 И своимъ же воскликаньемъ я испуганъ въ горькій мигъ,—
 Если кто миѣ отзовется, это будеть мой двойникъ.
 А во тьмѣ такъ страшно встрѣтить очеркъ блѣднаго лица.
 Я пошалъ въ страну Неволи...

Нѣть конца.

II.

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ.

I.

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ, и много иного.
 Въ этой душѣ создалось первозданное Слово!
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Замыслы встали безмѣрно тучей,
 Нѣжность возникла усладой пѣгучей,
 Совѣсть, спѣтильникъ опасный и жгучий,
 Вспышки и блески различныхъ огней,—
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Бури проносятся мысли могучей!
 Небо не тамъ,
 Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,
 Гдѣ создаю я и снова создаю
 Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
 Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
 Пламенный знакъ моего постоянства.
 Небо—въ душевной моей глубинѣ,
 Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
 Дивно и жутко—утти въ запредѣльность,
 Страшно мнѣ въ пронасть души заглянуть,
 Страшно—въ своей глубинѣ утонуть.
 Всё въ ней слилось въ бескоечную цѣльность,
 Только душѣ я молитвы новъ,
 Только одну я люблю безпредѣльность,
 Душу свою!

2.

Но дикий ужасъ преступлений,
Но искаженные черты,—
И это все твои видѣнія,
И это—новый—страшный—ты?

Въ тебѣ рождается величіе,
Ты можешь бурями гремѣть,
Изъ блѣдной бездны безразличія
Извлечь и золото и мѣдь.

Зачѣмъ же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачѣмъ ты любишь все могильное,
И всюду сѣешь смерть одну?

И въ равнодушіи надменности,
Свой духъ безмѣрно возлюбя,
Ты создаешь оковы пленности:
Мечту—рабу самой себя?

Ты—блескъ, ты—гений безкочечности,
Въ тебѣ вся пыщность бытія.
Но знаки твой, страшный символъ Вѣчности—
Кольцеобразная змѣя!

Зачѣмъ чудовище—надъ бездною,
И звѣрь въ лѣсу, и дикий воръ?
Зачѣмъ міры, съ ихъ славой звѣздною,
Несутся въ плакѣ гробовой?

3.

Миръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобы можно было жить!
Душою тамъ, я сердцемъ—здесь,
А сердце какъ смирить?
Я узель долженъ видѣть весь.
Но какъ распутать нить?

Едва въ лѣсу я сдѣлалъ шагъ,—
Раздавленъ муравей.
Я въ мірѣ всѣмъ непонимый врагъ,
Всей жизнью своей.
И не могу не быть,—никакъ,
Вылотъ до исхода дней.

Мое недѣланье для всѣхъ
Покажется болынъ.
Проникновенный тихій смѣхъ
Разнѣется какъ дымъ.
А буду смѣять,—замучу тѣхъ,
Кому я бытъ родимъ.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волковъ.
Среди могильной душной тьмы
Хрипѣніе стариковъ,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой враговъ.—

Забытый раненый солдатъ,
И стая хищныхъ птицъ,
Отца косой на сына взглядъ,

Развратный гуль столицъ,
Толпы глупцовъ, безумный рядъ
Животно-мерзкихъ лицъ.—

И что же? Я ли создаль ихъ?
Или они меня?
Но отъ ли я, сложившій стихъ,
Или побѣгъ отъ пия?
Кто демонъ иллюстей моихъ
И моего огня?

Отъ этихъ тигровыхъ страстей,
Змѣиныхъ чувствъ и думъ,—
Какъ стукъ кладбищенскихъ костей
Въ душѣ злонѣшій шумъ,—
И я бѣгу, бѣгу людей,
Среди людей—самумъ.

III.

* * *

Стучи, тебѣ откроютъ. И проси, тебѣ дадутъ.
— О, Боже! Для чего же назначенъ Страшный Судъ?

IV.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Мы лежимъ на холодномъ и грязномъ полу,
Присужденные къ пѣчной тюрьмѣ.
И упорно и долго глядимъ въ полумглу,—
Ничего, ничего въ этой тьмѣ!

Только зыбкіе отсвѣты блѣдныхъ зампадъ
Съ потолка устремляются внизъ.
Только длинныя шаткія тѣла дрожатъ,
Протянулись—качились—сплылись.

Незабыты своими друзьями, въ странѣ,
Гдѣ лишь варвары, авѣри да почь,
Мы забыли о Солнцѣ, Звѣздахъ, и Лунѣ,
И никто намъ не можетъ помочь.

Насъ томительно стиснули стѣны тюрьмы,
Насъ желѣзное давить кольцо,
И какъ духи чумы, какъ рожденія тьмы,
Мы не видимъ другъ друга иль лицо!

V.

ИЗБРАНИЙ.

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сынъ Солнца, я—поэтъ, сынъ разума, я—царь.
Но предки за спиной, и духъ мой искаженный—
Татуированный своимъ отцомъ дикарь.

Узоры пестрые прорѣзаны глубоко.
Хочу ихъ смыть: Нельзя. Умъ шенчеть: Перестань.
И, съ дикимъ блѣнствомъ, я въ омуты порока
Бросаюсь радостно, какъ хищный звѣрь па лань.

Но, рыпку данъ отданъ, его божбѣ и давкамъ,
Я снова чувствую всю близость къ Божеству.
Кого-то раздробилъ тяжелымъ томагавкомъ,
Я многой убитаго съ отчаяньемъ зову.

VI.

РАНЕНЫЙ.

Я на смерть пораженъ своимъ сознаньемъ,
 Я раненъ въ сердце разумомъ моимъ.
 Я неразрывенъ съ этимъ мірозданьемъ,
 Я создалъ міръ со всемъ его страданьемъ.
 Струя огнь, я гибну самъ, какъ дымъ.

И понимая всю обманность чувства,
 Игру тѣней, рождennыхъ въ мірѣ мнѣй,
 Я, какъ поэтъ, постигнувшій искусство,
 Не восхищенъ своею глубиной.

Я сознаю, что грѣхъ, и тьма во взорѣ,
 И топь болотъ, и спній небоклонъ.
 Есть только мысль, есть призрачное море,
 Я чувствую, что эта жизнь есть сонъ.

Но, видя въ жизни знакъ безбрежной воли,
 Создатель, я созданье не любимъ.
 И, весь дрожа отъ нестерпимой боли,
 Живя у самого себя въ неволї,
 Я раненъ на смерть разумомъ моимъ.

VII.

ПРОКЛЯТИЕ ГЛУПОСТИ.

СОНЕТЪ.

Увѣчье, помѣшательство, чахотка,
Надучай, и бездна всякихъ золъ,
Какъ части міра, я терплю вѣсль кротко,
И даже въ вѣсль я таинство нашель.

Для тѣхъ, кто любить чудищъ, все находка,
Иной среди затѣй всю жизнь проводъ,
И какъ для законыльныхъ пылиницъ—водка,
Въ гармонии миѣ дорогъ пропагандъ.

Люблю я въ мірѣ скрипъ всемірныхъ осей,
Крикъ коршуна на сумрачномъ откосѣ,
Дорогъ житейскихъ рѣтвины и гать.

На всемъ свой—для взора—позолота,
Но мерзокъ сердцу обликъ идюта,
И глупости я не могу попять!

VIII.

УРОДЫ.

СОНЕТЪ.

Я горько вѣсль люблю, о бѣдные уроды,
Сѣльпорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшиѣ свободы,
Лады, разбитыя веселостью волны.

И вы ми́й дороги, мучительные спы
Жестокой матери, безжалостной Природы,
Кривые кактусы, побеги бледны,
И змей и ящериць отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство, и бѣда,
Гоморра и Содомъ, сатаны города,
Надежды хищны съ раскрытыми губами.—

О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
Во имя Господа, благеннаго всегда,
Благословлю васъ, да будетъ счастье съ вами!

IX.

БАБОЧКА.

Залетѣвшая въ комнату бабочка бѣтсѧ
О прозрачныя стекла воздушными крыльями.
А за стеклами пѣбо родное смѣтсѧ,
И его не достичь никакими усилиями.

Но смириться нельзѧ, и она не сдается,
Изъ цветистой становится тусклая, блѣдная.
Что же пѣвницѣ дѣлать еще остается?
Только бѣтсѧ и блекнуть! О, жалкая, блѣдная!

Х.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЬВА.

Въ день октября, иначе листвопада,
 Когда безплодьемъ скована земля,
 Шла дѣва чрезъ пустынныя поля.
 Невѣрная, она съ душой помада
 Соединила дилино-чуткій слухъ:
 Въ прекрасно-юномъ тѣлѣ ветхій духъ.

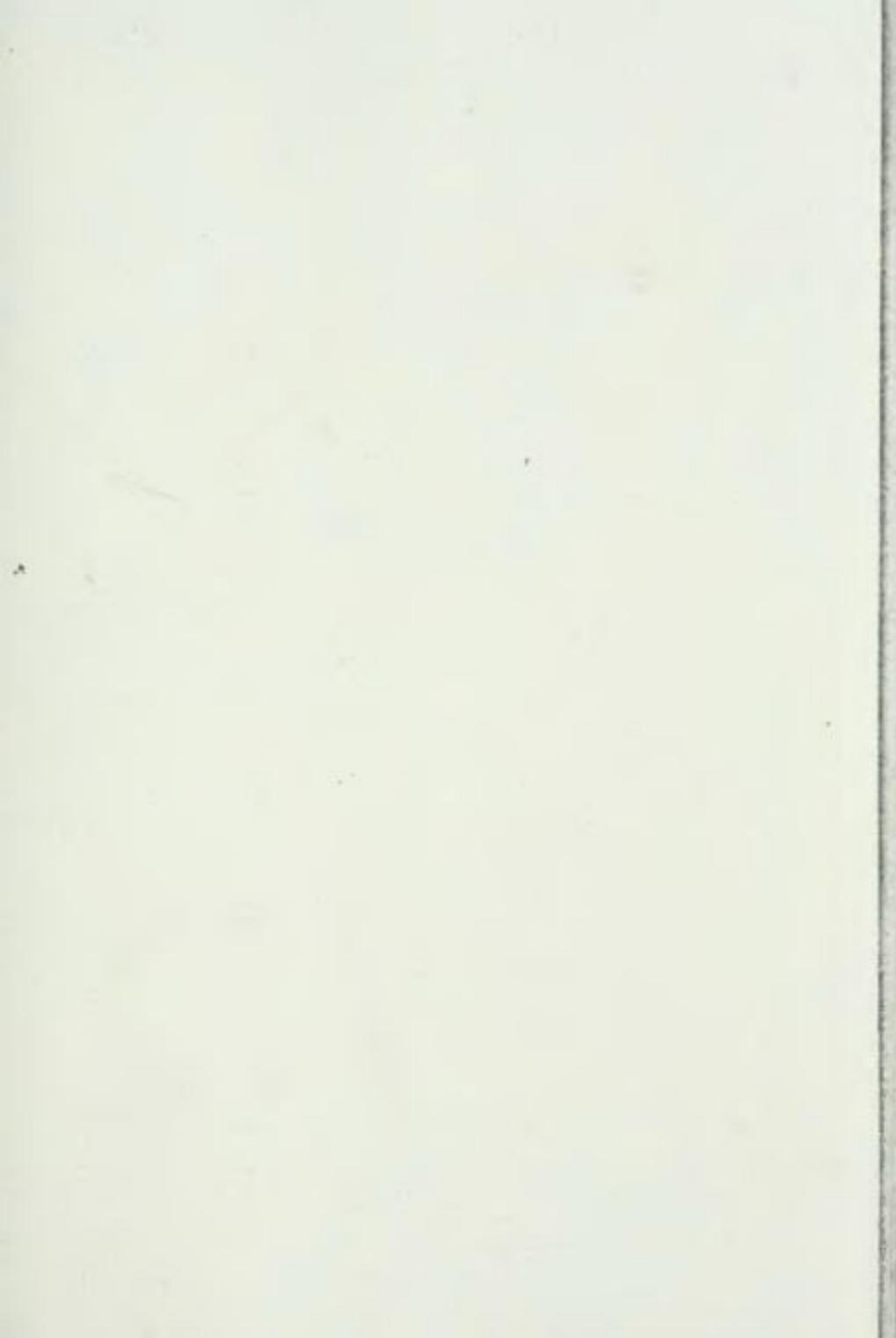
Ей винтѣть былъ звукъ вымершихъ проклятій,
 Иризывы оттесняемыхъ враговъ,
 И ропотъ затопленныхъ береговъ,
 Намекъ невоплотившихся зачатій,
 Иашъ мровъ, толпящихся окрестъ,
 Дрожанія всасищенныхъ звѣздъ.

Но дѣва съ утомленными глазами,
 Внимая всѣмъ, кричащимъ вкругъ нея,
 Ледяла безмолвіе свое.
 Ионяла одно за всѣми голосами,
 Безгласно холодѣла, какъ земля,
 И шла впередъ, чрезъ мертвымъ поля.

XL

* * *

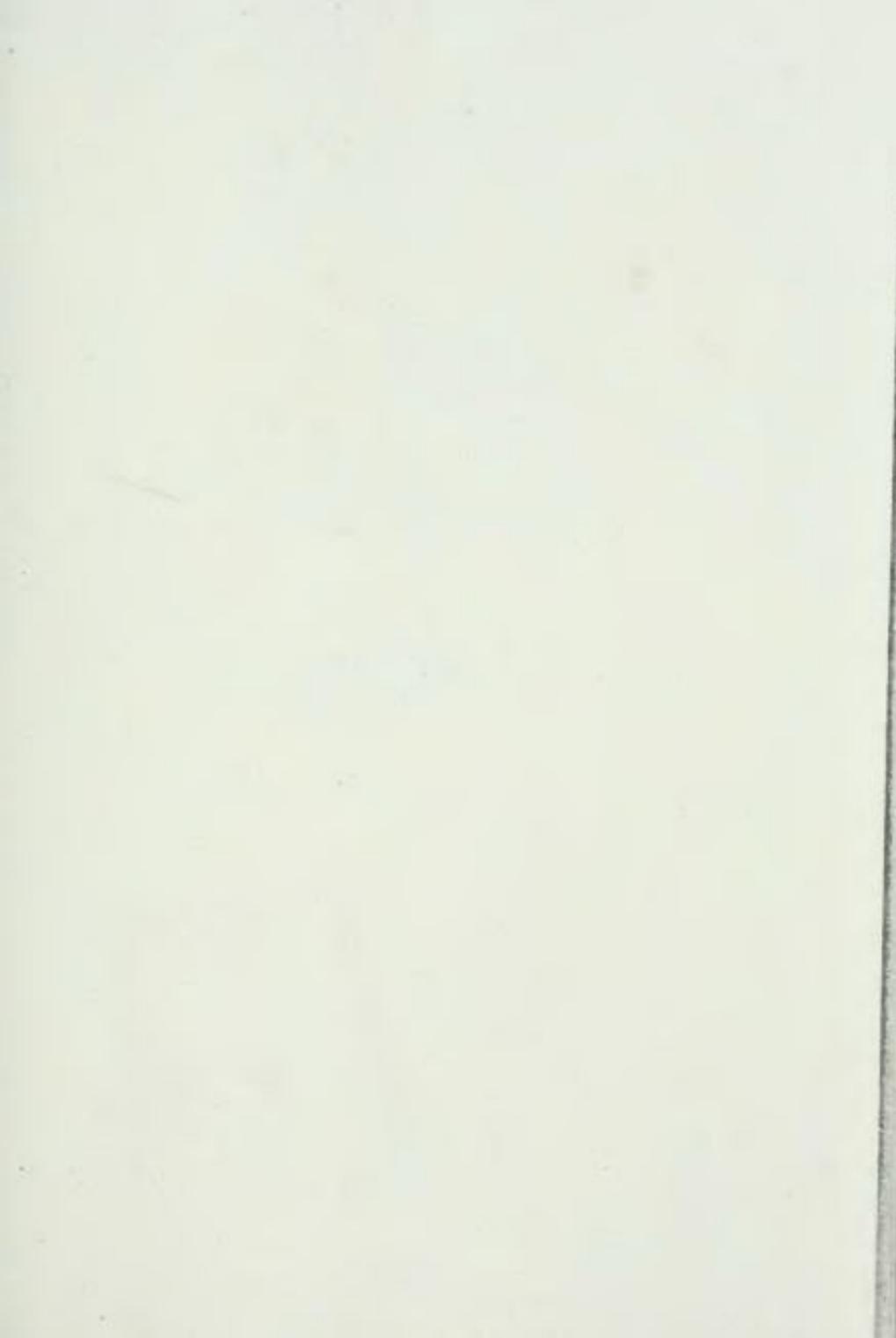
Сквозь міръ случайностей, къ живому роднику,
 Идя по жгучему и гладкому песку,
 По тайнымъ лѣстницамъ взбиралась къ высотѣ,
 Крылатымъ коршуномъ повисши въ пустотѣ,
 Мой духъ измѣчтывый стремится каждый мигъ,
 Все ищеть, молится: „О, гдѣ же мой родникъ?“
 „Весь міръ случайностей отдамъ я за него,
 „За оправданіе мечтанья моего,
 „За радость впитъ въ себя огній его лучей,
 „За исцѣленіе отъ старости моей“.

ВОЗЛЪ ДЫМА И ОГНЯ

Quién sos vos que hablais así?
— Un compuesto de contrarios.
Tirso de Molina

Кто ты, чтобы такъ говорить?
— Сложность противоречий.
Тирсо де Молина

I.

КУЗНЕЦЪ.

Ты видала кузнеч?—
Онъ миѣ правится, мой другъ.
Этотъ темный цвѣтъ лица,
Эта мѣткость жесткихъ рукъ,
Эта близость отъ огня,
Этотъ молотъ, этотъ стукъ,—
Все въ немъ радуетъ меня,
Милый другъ!

Я хочу быть кузнецомъ,
Я, работая, пою,
Съ запыльшимся лицомъ
Я смотрю на жизнь мою,
Воall дыма и огня
Много словъ я создаю,
Въ этомъ радость для меня,—
Я кую!

II.

ВЫШЕ, ВЫШЕ.

Я коснулся душъ чужихъ,
Точно струнь, но струнь моя.
Я въ нихъ чутко всколыхнуль
Такій звонъ, забытый гулъ.

Все обычное прогналъ,
Легкимъ стопомъ простоналъ,
Бросаль съ неба имъ цветы,
Вызвалъ радугу мечты.

И по облачнымъ путямъ,
Свѣтлымъ преданный страстямъ,
Сочетаньемъ звучныхъ строкъ
За собою ихъ увлекъ.

Трепетаньемъ звонкихъ крылья
Отуманилъ, омынилъ,
По обрывамъ ихъ помчалъ,
Забавлялъ, закачалъ.

Выше, выше, все за мной,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь въ сѣть мою,
Я пой, пой, пой.

III

МОЯ ДУША.

Моя душа оазисъ голубой,
Средь блѣдныхъ душъ другихъ людей, безсильныхъ.
Роскошный сонъ насносланъ мнѣ судьбой,
Среди пустынь, томительныхъ и пыльныхъ.

Вездѣ пески. Синистя, бѣжитъ самумъ.
Лазурь небесъ укрылася въ туманы.
Но слышу я желанный звонъ и шумъ,
Ко мнѣ сквозь мглу подходить караваны.

Веселые, раскинулись на мгль,
Пришли, ушли, до новаго свиданья,
Въ своей душѣ, лелеютъ мой двойникъ,
Мои мечты воздушной очертанья.

И вновь одинъ, я вновь живу собой,
Миц снится радость вѣчно молодая.
Моя душа оазисъ голубой,
Мои мечты цвѣтутъ, не отцвѣтаю.

IV.

ДУХЪ ВОЛИ.

Я слушалъ Море много лѣть,
Свой духъ ему предавъ.
Въ моихъ глазахъ мерцаеть свѣтъ
Морскихъ подводныхъ травъ.

Я отдалъ Морю сонмы дней,
Я отдалъ ихъ сполна.
И съ каждой пѣсней все слышатъ
Въ моихъ словахъ—волы.

Волна стозвучная того,
Чѣмъ полонъ Океанъ,
Гдѣ все— и юно, и мертвое,
Все правда и обманъ.

И я, какъ духъ волны морской,
Среди людей брошу:

Своей пѣвучею тоской
Я вѣхъ заворожу.

Огнемъ зелено-сѣрыхъ глазъ
Миѣ чаровать дано.
И много душъ въ завѣтный часъ
Я увлеку на дно.

И въ этой мглѣ морского дна,
Нѣжнѣй, чѣмъ воды рѣкъ,
Имъ будетъ синиться вышивка,
Погибшая павѣкъ.

V.

ВЪЧНАЕ.

Надъ певѣстой молодою
Я держалъ пѣнецъ.
Любовался, какъ мечтою,
Этой нѣжной красотою,
Этой легкою фатою,
Этимъ свѣтлыемъ „Наконецъ!“

Наконецъ она сумѣла
Вызвать лучшій сонъ.
Рсе смѣялось въ ней и пело,
А съ церковнаго придѣла,
Съ высоты на пасть глядѣла
Красота иѣмыхъ оконъ.

Мы вошли въ лучахъ привѣта
 Гаснущей зары.
 Въ мигъ желаннаго обѣта,
 Насть ласкали волны свѣта,
 Какъ безгласный звукъ завѣта:—
 „Я горю, и ты гори!“

И въ рукѣ у новобрачной
 Теплилась свѣча.
 Но за ней, мечтою мрачной,
 Неумѣстной, неудачной,
 Надъ фатой ея прозрачной,
 И склонялся, у плеча.

Вокругъ святого аналоя
 Тржды путь пройдень.
 Нѣть, не будетъ вамъ покоя,
 Будутъ дни дождей и зноя,
 Я пою, за вами стоя:—
 „Духъ кружиться пристужденъ!“

Да, я знаю сладость, алость,
 Нѣжность влажныхъ губъ.
 Но еще вѣрѣй усталость.
 Ожиданье, запоздалость,
 Вместо страсти—только жалость,
 Вместо ласки—съ трупомъ трупъ.

Вотъ, свершенъ обрядъ вѣнчальный,
 И закать погасъ.
 Точно хаось изначальный,
 Въ первы сонъ и мракъ печальный.
 Ты вошла съ зарей прощальной,
 Ты выходишь въ темный часъ.

VI.

ВО ВЛАСТИ ВСѢХЪ ВЕЩЕЙ.

Я дѣлаюсь мгновеньями во власти всѣхъ вещей,
И съ каждымъ я, предъ каждымъ я, и царствено ищечь.

Восторгъ придетъ,—и пылый я. Придетъ тяжелый трудъ.
Смотрите: всѣ бѣжали прочь. Взгляни: я, вѣрный, тутъ.

Заблудшую собаку я увижу предъ собой,
Со звѣремъ звѣрь, люблю ее. Но, сердце, дальше! Пой!

О, пой о всѣхъ, кто чувствовалъ бездонную тоску,
И вдругъ вернись къ безстрастію, какъ светлый дождь въ рѣку.

Въ великос Бездикое уйди какъ бы навѣкъ,
Хотя бѣль нась тамъ каждый часъ такъ много-много рѣкъ.

И, вѣчно твой, всегда съ тобой, не измѣнъ судьбѣ.
Но въ страшный хигъ, о, милый другъ, я не приду къ тебѣ.

VII.

БРЕТАНЬ.

СОПЕТЬ.

Затинуть мглой свинцовыи пебосводъ.
Угрюмы волны призрачной Бретани.
Семь острововъ Арь-Гентилесь-Руссotъ,
Какъ звѣри, притаились въ туманѣ.

Они какъ бы подвижны въ Океанѣ,
По прихоти всегда невѣрныхъ водъ.
И, полный изумленья, въ видѣ дани,
На нихъ свой свѣтъ пеленый Мѣсяцъ зеть.

Какъ сонмы лица, глядѣть толпы утесовъ,
Стыхъ, застывшихъ въ горечи тоски.
Безплодны безконечные пески.

Ихъ было много, сумрачныхъ матросовъ.
Они идутъ. Гляди! Въ тиши почной
Идутъ туманы блѣдной пеленою.

VIII.

УТОПЛЕННИКИ.

СОПЕТЬ.

Лишь только тьмь, на западѣ, въ туманѣ,
Утопеть свѣтъ поблекнувшаго дна,
Мои мечты, какъ мертвые въ Бретаинѣ,
Нетумолимо бродятъ вкругъ меня.

Надежды, осужденныя заранѣ,
Призланія, умершія—степи,
Утопленники въ темнотѣ Океанѣ,
Погибшіе извѣтъ изъ-за меня.

Они хотятъ, въ забвениѣ обиды,
Молитвъ заупокойной панихиды.
Моихъ молитвъ, о, Боже, не отриши!—

Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
Ты медлишь? Угрожаешь мнѣ? Пророчишь?
Будь проклята! Будь проклита! Аминь!

IX.

ПРОПОВѢДНИКАМЪ.

СОНЕТЪ.

Есть много струй въ подлунномъ этомъ мірѣ,
Ключи поютъ въ пещерахъ, гдѣ темно,
Звуя, какъ духъ, на семиструнной лирѣ,
О томъ, что духамъ вѣчное суждено.

Намъ въ звонахъ наслажденіе одно,
Мы духи струй мірскихъ на шумномъ извѣ.
Но намъ, врагамъ, понять нась не дано,
Для рѣкъ въ разливѣ надо русла шире.

Жрецы элементарныхъ теоремъ,
Проповѣдей вы идете отъ поста?
Я прошуъ сказать на благо свѣта.—

Не скучай словъ, давно известныхъ всѣмъ,
А звучной полногласностью сонета.
Не найденней пока еще никъмъ!

X.

ХВАЛА СОНЕТУ.

СОНЕТЬ.

Люблю тебя, законченность сонета,
Съ надменною твою красотой,
Какъ правильную четкость спулата
Красавицы изысканно-простой,

Чей станъ воздушный, съ грудью молодой,
Хранить сиянье матоваго снѣга,
Въ волниѣ волосъ недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодѣта.

Да, истинный сонетъ таковъ, какъ ты,
Иластическая радость красоты.—
Но иногда онъ мстить своимъ напѣвомъ.

И пе однажды въ сердце поражалъ
Сонетъ несущій смерть, горящій гнѣвомъ,
Холодный, острый, мѣткій, какъ кишакъ.

XI.

Я НЕ ИЗЪ ТѢХЪ.

СОНЕТЬ.

Я пе изъ тѣхъ, чье ими легіонъ,
Я пе изъ царства духовъ безымянныхъ.
Пройдя пути среди равнинъ туманныхъ,
Я увидалъ безбрежный небосклонъ.

Въ мопхъ зрачкахъ—зашь миѣ понятный сонъ,
 Въ нихъ міръ видѣній зыбкихъ и обманыхъ,
 Такихъ же безъ конца непостоянныхъ,
 Какъ дымка, что скрываетъ горный склонъ.

Ты думаешь, что въ тающихъ покровахъ
 Застыль едва одинъ-другой утесь?
 Гляди: покровъ раскрыть дыханье грозъ.

И въ цѣпи горъ, для глаза вѣчно-ловыхъ,
 Какъ глетчеръ, я сиѣга туда вознесъ,
 Откуда видень міръ въ своихъ основахъ!

XII.

ОЖЕСТОЧЕННОМУ.

Я знаю испавшть, и, можетъ-быть, сплынѣй,
 Чѣмъ можетъ зять ее твой душа болзная,
 Несправедливая, и полна огней
 Тобою брошенаго рая.

Я знаю испавшть къ звѣриному, къ страстямъ
 Сѣтной замкнутости, къ судѣи неправосудной,
 И къ этимъ тлѣющимъ кладбищенскимъ костямъ,
 Намъ данимъ въ нашей жизни скучной.

Но, мучимый какъ ты, терзаемый года,
 Я связанъ былъ съ тобой безмолвнымъ договоромъ,
 И вижу, ты забылъ, что братъ твой былъ всегда
 Скорѣй разбойникомъ, чѣмъ воромъ.

Съ врагами—дерзкій врагъ, съ тобой—я вѣчно твой,
Я узнаю друзей въ одѣждѣ запыленной.
А ты, какъ леопардъ, укушенный змѣй,
Своихъ терзаешь, изступленный!

XIII.

БЛ. БАШНЬ.

Въ башнѣ съ окнами цвѣтыми
Я замкнулся навсегда,
Дки бѣгутъ, и въ свѣтломъ дымѣ
Возникаютъ города,
Замки, башни, и падъ вини
Легкихъ тучекъ череда.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно-цвѣтыми
Безъ конца винушаютъ сны,
Эти стекла расписанны
Миѳ самой Судьбой даны.

Въ нихъ я вижу, какъ даѣтъ тѣни
Обнимаются, любя,
Какъ, упавши на колѣни,
Кто-то молится, скорбя,
Въ нихъ я вижу и быстрой смѣи
Землю, небо, и себя.

Тамъ, за окнами, далеко,
Съ непочатой вышини,

Смотреть огненное око
Неба, Солица, и Луны,
Но окно мое высоко,
То, что ми^ѣ внушаешь сны.

То, межъ окнами цветными,
На которое смотрю,
Въ часъ когда, какъ въ свѣтломъ дымѣ,
Я привѣтствую зарю,
И съ видѣньями родными
Легкой грезой говорю.

На другія обращаю
Въ часъ заката жадный взоръ,
Въ часъ, когда уходить къ раю
Тихій вечеръ на дозорѣ,
И ленечетъ: „Обѣщаю,
„Вновь увидишь мой уборъ“.

На другія я съ отрадой
Устремляю ночью взглядъ,
Въ часъ когда живеть прохладой.
Ночны вдоховъ, сонный садъ,
И за призрачной оградой
Свѣтляки межъ травъ горятъ.

Такъ живу, какъ въ свѣтломъ дымѣ
Огнецветные цветы,
Надъ ошибками земными
Посмѣвалась съ высоты,
Въ башни съ окнами цветными
Переливчатой мечты.

XIV.

КЪ ДАЛЬНЕМУ.

Замкнуться, какъ въ тюрьму, въ одну идею,
Я знаю этотъ сонъ, мой дальний братъ,
Я медленно, по вѣрно холодью,
И, разъ уйдя, я не приду назадъ.

Ты отошелъ въ страну безъ перемѣны,
Оставивши безвольно міръ земной,
А я себѣ свободно создалъ стѣни,
И упоенъ тюремной тишиной.

Есть въ жизни смерть, спокойная, какъ травы,
Хранимыя, изъ памяти, за стекломъ,
Изохший знакъ утраченной забавы,
Пройденная эпоха, переломъ.

Сѣдая тѣсно скатыя видѣнья
До времени съ землей разлучены,
Они забыть не могутъ наслажденье,
И тайно дышутъ запахомъ весны.

Ихъ кто-то чуждый взялъ своей рукою,
И все жь они блаженствуютъ года.
Такъ какъ же счастливъ я съ моей тоскою,
Полюбленной свободно—навсегда!

XV.

ОТЪ УМЕРШАГО КЪ ЖИВОМУ.

Скажи ему, что я его люблю,
 Что я его какъ прежде понимаю,
 И, какъ корабль къ тужому кораблю,
 Взываю въ часъ, когда я погибаю,—

Къ нему, къ нему, далекому павѣкъ,
 Бѣгущему по водамъ Океана,
 Чтобъ отдохнуть на устьяхъ мощныхъ рѣкъ,
 Средь стройныхъ мачтъ родного каравана,—

Межъ тѣмъ какъ я, свой образъ измѣнивъ,
 Несоразмѣривъ тяжести вѣкомої,
 Забыть, что былъ и я, какъ онъ, красивъ,
 Склоняясь къ безднѣ жутко-незнакомої,—

И вѣты безучастные молю
 Протяжностью своихъ предсмертныхъ звоновъ...
 Скажи ему, что я его люблю
 За то, что онъ—не слышалъ этихъ стоновъ!

XVI.

ОСТРОВЪ ВИЛІЭ-ЛІЯВОЛА.

Гдѣ-то на островѣ Віліэ-Ліявола,
 Души есть, лишь предъ собою преступныя.
 Богомъ забытыя, но недоступныя
 Обѣтоеваніемъ живаго Дьявола.

Имъ захотѣлось разрывъ гармоніи:—
Цѣлл испортівъ, упиться притихами,
Розы любя, въ пѣ живомъ благовоніи
Смертью мѣняющей встать надъ долинами.

Смертью пытающей, въ вѣчномъ теченіи,
Вѣчною казнью казнить преходящее:—
Все въ отдаленіи, все въ отвлеченіи,
Ярко одно размыщелѣе глядящее.

Вѣдаю, вы ко всему прикоснулись,
Жадныя пчелы, стѣсненыя сотами!
Что же вы тайны своей ужаснулись,
Вы, окруженные стройными грядами?

Жизнь разлюбившія, чувствомъ уставшія,
Что же самимъ вы себѣ прекословите?
Все усмѣхаясь, какъ что-то понявшия,
Что жь безполезное не остановите?

То вы мелькнете воздушною ризою,
Свѣтлые духи, съ улыбкой беспечною,
То улыбаетесь съ Мопою Лизою.
Миръ осуждая съ игрой его вѣчно.

То прошумите вы звуками Шумана,
Стопами Манфреда, неукротимыми,
Вновь унаадаете, все передумано.
Снова смеетесь надъ снами любимыми.

Кинетесь къ слову, кричите Верлайнамъ,
И возвѣщаете сладость молчанія.

Безперемѣнныя за перемѣнама,
Мигъ вы мучительный, безъ окончанія.

Старость возвратная, вѣчность раскашья,
Для непостижности жертва закланна.
Самосожиганіе, мудрость отчалныя,
Противорѣчіе, правда обманна.

Безъ покровительства Бога и Дьявола,
Вѣчно томитесь вы, снамъ недоступныя.
О, плендкущія, души преступныя,
Гдѣ-то на островѣ Вилл-Дьявола.

XVII.

ПОСЛЪ БАЛА.

Весь полный розовыхъ и голубыхъ мечтаний,
Овеѧнъ душностью влюблнющихъ духовъ,
Весь въ крыльяхъ бабочекъ, въ отливахъ трепетаний
Полуисторгнутыхъ, но замедленныхъ словъ.—

Окутанъ звуками заученыхъ мелодій,
Какъ будто созданыхъ мечтой лишь для того,
Чтобъ убаюканнымъ шантаться на свободѣ,
О томъ, что сладостній и вкрадчивый всего, —

Весь воплощенная полуночная чара,
Какъ пиръ среди чумы, маниящій съ давнихъ поръ,
Какъ страшный вымыселъ безумнаго Эдгара,
Для пасъ препѣвшаго павѣки „Nevermore“,—

Нашъ балъ, раскинутый по многошумнымъ заламъ,
Уже закончилъ лицъ сокрытой красоты,
И чѣмъ-то вѣяло холоднымъ и усталымъ
Съ впезанию дрогнувшей падь нами высоты.

Да, полночь отошла съ своею пышной свитой
Проникновенійшихъ мгновеній и часовъ,
Отъ люстры адѣль и тамъ упалъ хрусталь разбитый,
И гуль извѣтъ вставалъ враждебныхъ голосовъ.

Измѣты, желтизной подернулися лица,
Крыломъ изломаннымъ дрожали вѣтра,
Въ сердцахъ у всѣхъ была дочитана страшна,
И новый въ окнахъ сѣть шепталъ: „Пора! Пора!”

И вдругъ всѣ замерли,—вотъ, скорбно доцвѣтаютъ,
Старался продлить молчанье забытье:—
Такъ утромъ демоны колдуны покидаютъ,
Сознавши горькое безспасное свое.

XVIII.

РАЗЛУКА.

СОНЕТЪ.

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто меня не любить,
Какъ мгла-сыра-земля,
И синя бровяги.

Есть люди, присужденные къ скитаньямъ,
Гдѣ бѣ не быть я,—я всѣмъ чужой, всегда.
Я преданъ переменчивымъ мечтамъ,
Подвижнымы, какъ текучая вода.

Передо мной мелькаютъ города,
Деревни, села, съ ихъ глухимъ страданьемъ.
Но никогда, о, сердце, никогда
Съ своимъ я не встрѣчался ожиданьемъ.

Разлука! Слѣдъ чужого корабля!
Норынъ волны—къ другой волнѣ, несходяй.
Да, я бродяга, тощущій поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любить, какъ земля!

XIX.

МОЛИТВА О ЖЕРТВѢ.

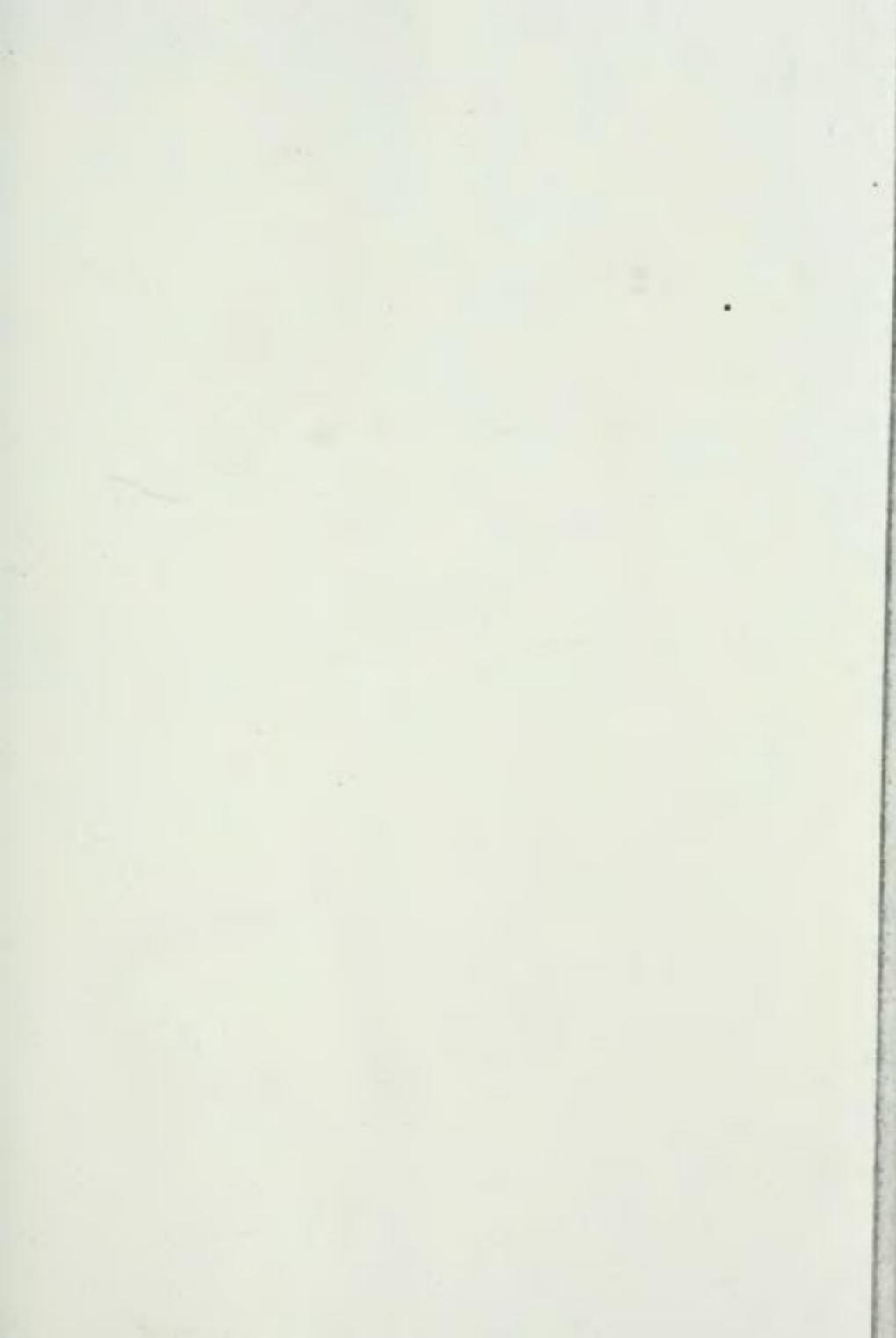
Илой поющею подточить яркій стволъ
Еще не выжившей свой полный вѣкъ березы.
На землю ниспровѣргъ ее не произволь,
Не падетъвшія прерывистыя грозы.

Опа, прекрасная, отмѣчена была,
Рукой сознательной для бытія иного;—
Зажечься и горѣть,—блестя, сгорѣть до тла,—
И въ помыслахъ людей тепломъ зажечься снова.

Но прежде, чѣмъ опа зардѣсть и сгоритъ,
Ей пуженъ долгій путь, ей надо показаться;—
Расчетвертована, она измѣнить видъ,
Блестища кора, иссохнувъ, затемнится.

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она,
И соки жилъ ея проступятъ точно слезы,
Но бѣдо вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана,—
И огненной листвой одѣлся духъ березы!

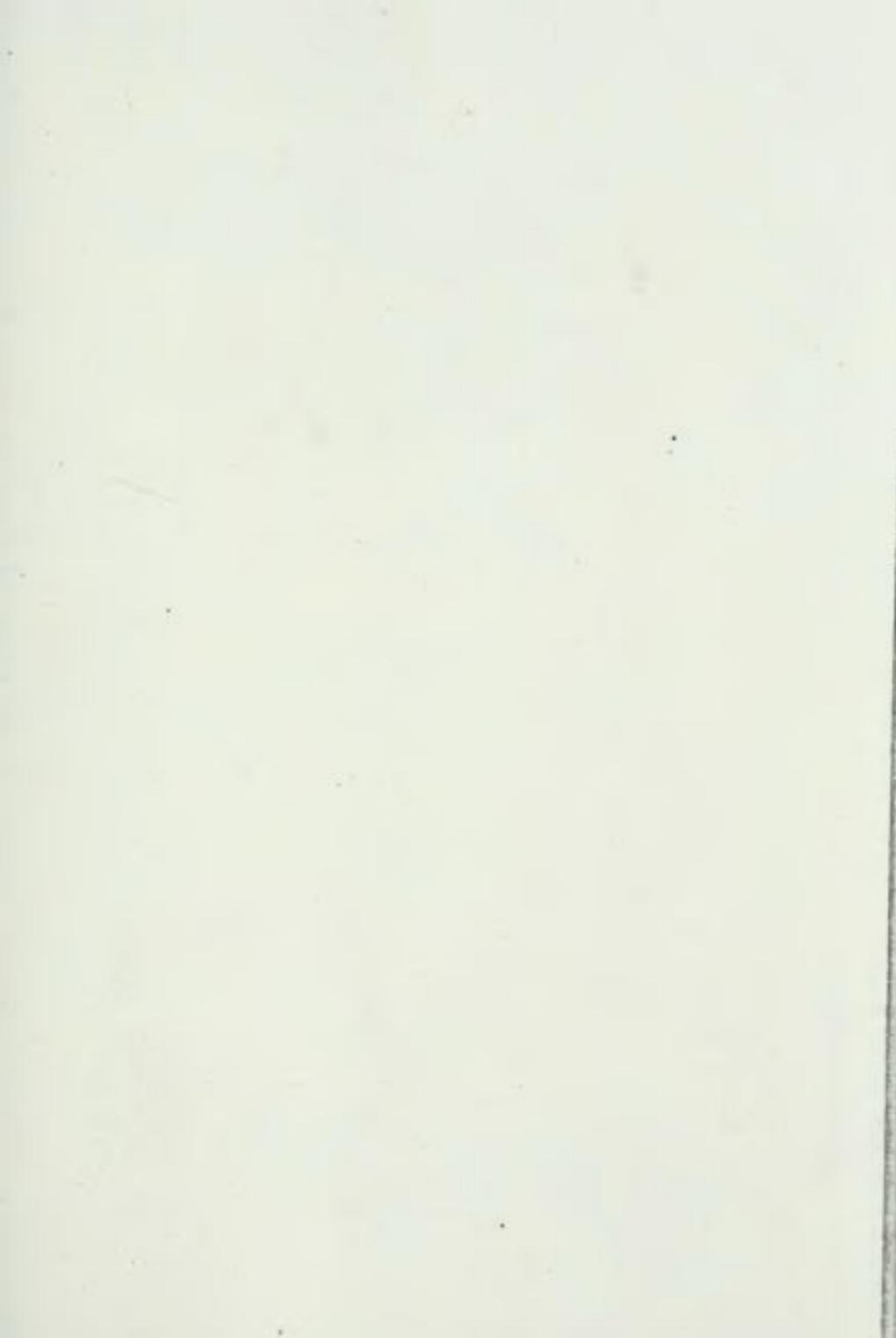
Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня:—
Какъ было ей дано, погибшѣй, освѣтиться!
— Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
И дай мнѣ ичернѣть, изсохнуть, исказиться!

МИМОЛЁТНОЕ

From isle to isle...
Shelley

Отъ острова къ острову...
Шелли

I.

ЛѢСНЫЯ ТРАВА.

Я люблю лѣсныя травы
Ароматныя,
Поцѣлуй и забавы,
Невозвратныя.

Колокольные призымы,
Отдаленные,
Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы,
Нолусонныя.

Очертанья лицъ мелькившихъ,
Непрѣстныя,
Тѣла сказокъ обманувшихъ,
Безлесныя.

Все, что манить и обманеть
Насъ загадкою,
И навѣки сердце ранить
Тайной сладкою.

II.

БЛѢДНАЯ ТРАВКА.

Блѣдная тѣлка подъ ветхимъ заборомъ
Къ жизни проснулась въ предутреній часъ,
Мирѣ дивясь зеленѣющимъ взоромъ.
Блѣдная травка, ты радуешь насъ.

Мъсяцу, воздуху, Солнцу, и росамъ
Ты отдаешься, какъ свѣтлой судьбѣ,
Ты ни одни не смутишься вопросомъ,
Не задрожишь въ безъисходной борьбѣ.

Чуть расцвѣтешь, и уже отцвѣтаешь,
Не доживешь до начала зимы.
Ты пропадаешь, но ты не страдаешь,
Ты умираешь отрадой, чѣмъ мы.

III.

АРОМАТЪ СОЛНЦА.

Запахъ Солнца? Что за вадоръ?
Нѣть, не вадоръ.
Въ Солнѣ звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Всѣ слились въ согласный хоръ.
Всѣ сплелись въ одинъ узоръ.

Солнце пахнетъ травами,
Свѣжими купавами,
Пробужденію весной,
И смолистою сосной.

Нѣжно-свѣтлоткаными,
Ландышами шишкими,
Что побѣдно расцвѣли
Въ острѣй запахѣ земли.

Солнце свѣтить звонами,
Листьями зелеными,
Дышеть ветвимъ пѣньемъ птицъ,
Дышеть смѣхомъ юныхъ лицъ.

Такъ и молви всѣмъ слѣпцамъ:—
Будеть вамъ!
Не узрѣть вамъ рабскихъ вратъ.
Есть у Солица ароматъ,
Сладко винаятый только намъ,
Зримый птицамъ и цвѣтамъ!

IV.

ГЛУШЬ.

Лугъ—болото—поле—поле,
Надъ рѣчонкой ивы.
Сладко дышется на волѣ,
Всѣ цвѣты красивы!

Все здѣсь пѣжитъ глазъ и ухо
Ласкою веселой.
Прожужжала гдѣ-то муха,
Шмель гудить тяжелый.

Всюду—боскія коровки,
Роговые кашки,
Желто-блѣдныя головки
Полевой ромашки.

Нѣжно-тонки очертанья
 Задремавшей даль...
 Полно, развѣ есть страданья?
 Развѣ есть печали?

V.

ЗАТОНЬ.

Когда ты заглянешь въ прозрачныя воды затона,
 Подъ блѣдною ивой, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
 Невинятный измѣкъ на призывѣ колокольного звона
 Къ тебѣ донесется изъ замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасныя лица,
 Испуганнымъ взоромъ замѣтишь межъ ними себя,
 И гдѣ сердитъ твоемъ за страшнѣю всыхнетъ страница.
 Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорби, не люби.

И будутъ рости ото дна до поверхности влаги
 Узоры упрямо и тѣсно сплетенныхъ вѣтвей,
 И будутъ рости и мѣняться,—какъ призраки саги
 Ростуть, измѣняясь въ значеніи и въ силѣ своей.

И все, что въ молчаніи ночи волнуетъ и манить,
 Что тайною чарой шаходитъ съ далекихъ планетъ,
 Тебя въ сочетанья свои завлечеть—и обманть,
 И сердце забудеть, что съ ними сліянія вѣтъ.

Ты руку невольно протянешь падь сонныхъ затоновъ,
 И имигъ все безслѣдно исчезнетъ,—и только вдали,
 Съ чутью смишной мольбою, съ какимъ-то заоблачнымъ звономъ,
 Непримо порвется струна отъ небесъ до земли.

VI.

ПОСЛѢДНИЙ ЛУЧЪ.

Прорѣзавъ тучу, темную, какъ дымъ,
 Послѣдній лучъ, въ предчувствіи заката,
 Горячо,—онъ, что былъ живымъ
 Когда-то!

Тѣсниной смутныхъ горъ враждебно сжата,
 Одна долина свѣтомъ золотымъ
 Еще живеть, блестательно-богата.

Но блескъ ушелъ къ вершинамъ вѣковымъ,
 Гдѣ нѣтъ ни травъ, ни сновъ, ни аромата.
 —О, да, я помню! Да! я былъ живымъ,
 Когда-то!

VII.

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратныя!
 Повисли гирляндами облака просвѣтленныя.
 Равнины туманятся, и лѣса необытныя,
 Какъ-будто не жившіе, навсегда утомленные.

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
 На долы печальныя, на седенія бѣдныя,
 Глядѣть съ состраданіемъ, на безвѣстныхъ—безвѣстныя,
 Попикшія, скорбныя, безотвѣтныя, бѣдныя!

VIII.

РАВНИНА.

Необозримая равнина,
Неумолимая земля,
Леса, холмы, болота, тишина,
Тоскливо-скучныя поля.

Полгода — холодъ безпощадныи,
Полгода — дождь и душный зной,
Распятъ природы безотрадной
Съ ея убогою весною.

Полуногаснувшіе взоры
Навѣкъ поблекшаго лица,
Неизреченныя укоры,
Порабощенность безъ конца.

Невоплощенныхъ зачатыя.—
О, трижды скорбная страна,
Твое название — проклятье,
Ты навсегда осуждена.

IX.

МОЛЕБЕНЬ.

Темной толпою, въ часовнѣ убогой,
Путь завершивъ, я предъ новой дорогой,
Суетность нашу забывъ на мгновенье,
Тупо мы слушаемъ сонное пѣнье.

Въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ духъ нашъ взростилъ
Тайное древо невидимыхъ силъ,
Таеть взыхающій дымъ отъ кадиль.

Что-то есть страшное въ этихъ бряцаньяхъ,
Въ этихъ покорныхъ глухихъ восклицаньяхъ,
Молится звуки и души послушно,
Что же имъ въ узкой часовнѣ такъ душно?

Извѣстенно чувствую горькій упрекъ,
Въ звуки молитвъ проскользнувшій намекъ—
Тайное слышащихъ, дышащихъ строкъ.

Въ потныхъ стекла не видно лазури,
Въ дверь не пропикуть ни вѣтры, ни бури,
Силою дней закопчены иконы,
Вѣчны предъ ними безсильные стоны.

Грустло склонивши морщилистой лобъ,
Что-то вѣщаетъ намъ загнанный попъ:—
„Кизиль паша—душиая—темпая...—Гробъ!“

X.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ.

Узкая полоска синяго Лимана,
Желтая пустыня выжженныхъ песковъ.
Городъ, измѣненный дымкою тумана,
Медленный тѣлпи бѣлыхъ облаковъ.

Чахлая трава, измученная зноемъ,
Вдоль прямой дороги стѣре столбы.
Все здесь дышетъ скучнымъ тягостнымъ покоемъ,
Всюду здесь недвижность пасмурной судьбы.

Только вѣтны вѣтеръ носится беацѣльно,
Душнымъ дуновеніемъ, духомъ мертвца.
Только облака проходятъ безпредѣльно,
Скучною толной проходятъ безъ конца.

XI.

ВОСПОМИНАНИЕ

О ВѢТЕРѢ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ.

О, тихій Амстердамъ,
Съ пѣвучимъ перезвоноемъ
Старинныхъ колоколень!
Зачѣмъ я здесь,—не тамъ,
Зачѣмъ уйти не воленъ,
О, тихій Амстердамъ,
Къ твоимъ церковнымъ звопамъ,
Къ твоимъ, какъ бы усталымъ,
Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
Загрезшившимъ каналамъ,
Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
Съ закатомъ запоздалымъ,
И ласковымъ, и азымъ,
Горящимъ здесь и тамъ,
По этимъ соннымъ водамъ,
По сумрачнымъ мостамъ,
По окнамъ и по сводамъ

Домовъ и колоколенъ,
Гдѣ, преданный мечтамъ,
Какой-то призракъ боленъ,
Упрекъ сдержать не воленъ,
Тоскуеть съ долгимъ стопомъ,
И вѣчныи перезвономъ
Поетъ и здѣсь и тамъ...
О, тихій Амстердамъ!
О, тихій Амстердамъ!

XII.

ИСЛАНДІЯ.

Валуны, и равнины, залитыя лавой,
Сопы глетчеровъ, брызги горячихъ клюдей.
Скалы, полныя грусти своей величавой,
Убѣленыя холодомъ блѣдныхъ лучей.

Тѣни чахлыхъ деревьевъ, и Море... О, Море!
Волны, птица, и чайки, пустыня воды!
Здѣсь забытые скальды, на влажномъ просторѣ.
Птицы пѣсни при свѣтѣ вечерней звѣзды.

Эти Спорри, Сигурды, Тормодды, Гуниэры,
Съ именами желѣзными, духи морей,
Отъ вѣтровъ получили суровыя чары
Для угрюмой томительной пѣсни своей.

И въ строкахъ перепѣнныхъ донышъ хранится
Ропоть бури, и громъ, и ворчанье волны,
Въ нихъ кричать альбатросъ, дышипокрылая итица,
Изъ воздушной, изъ мертвой, изъ вольной страны.

АНТИФОНЫ

Je porte dans mon âme le reflet des
richesses stériles d'un grand nombre de
reis oubliés.

Villiers de l'Isle-Adam

Я ношу въ своей душѣ отраженіе
безплодныхъ богатствъ многочислен-
ныхъ забытыхъ царей.

Вилье де Лиль-Адамъ

I.

* * *

Намъ нравятся поэты,
Похожіе на пась,
Священныя предметы,
Дабы украсить чась,—

Волшебный чась величья,
Когда, себя сплыть,
Мы пѣлимъ безъ различья
Сверкалья всѣхъ огней,—

Цвѣты съ любымъ узоромъ,
Расцвѣты всѣхъ началь,
Лишь только бѣ нашимъ взорамъ
Ихъ пламень отвѣчаль,—

Лишь только бѣ съ нашей бурей
Славался онъ въ одио,
Отъ неба или фурії.—
Не все ли намъ ранно!

II.

КЪ ГЕРМЕСУ ТРИСМЕГИСТУ.

О. Гермесъ Трисмегистъ, троекратно великий учитель,
Богъ наукъ и искусствъ и душа роковой искуситель!

Ты ми передаль власть возрождать то, что сердце забыло,
Какъ Египетъ весной возрожденъ отъ разлитія Нила.

Отъ разлитя рѣки, чьи истоки окутаны тайной,
И случайно зажглись, но приносить расцвѣть не случайный.

Недостойный металъ въ благородныи могу превращать я,
Отъ тебя воспринявъ драгоценныи чары заклятыя.

Отъ тебя получилъ я ту влагу цѣлебную жизни,
Что мепя навсегда пріобщаетъ къ небесной отчизнѣ.

И во имя тебя я бессмертіе всѣмъ обѣщаю,
И умершихъ людей я къ загробнымъ мірамъ пріобщаю,

Ты со мною вездѣ и безгласно твердишь о святыи,
Какъ глубокий покой задремавшей Либейской пустыни.

Ты въ вѣнцѣ изъ огня предо мною, о, богъ многоликий,
О, Гермесъ Триумегистъ, о, мудрецъ троекратно великий!

III.

КЪ БОДЛЭРУ.

Какъ страшно-радостный и близкій миѣ примѣръ,
Ты все миѣ чудишься, о, царственный Бодлеръ,
Любовникъ ужасовъ, обрывовъ, и химеръ!

Ты, павшій въ проности, но жаждавшій вершинъ,
Ты, видѣвшій лазурь сквозь тихій желтый спинъ,
Ты, между варваровъ заложникъ-властелинъ!

Ты, знавшій Женщину, какъ демона мечты,
Ты, знавшій Демона, какъ духа красоты,
Самъ съ женскою душой, самъ властный демонъ ты!

Познавшій таинства мистическихъ ядовъ,
Понявшій образность гигантскихъ городовъ,
Потокъ бурлящійся, рожденный царствомъ льдовъ!

Ты, въ чей богатый духъ павѣкъ перелита
Въ одну симфонію трикратная мечта:
Благоуханія, и звуки, и цвета!

Ты, духъ блуждающій въ разрушенныхъ мірахъ,
Гдѣ привидѣлія другъ въ другѣ будуть страхъ,
Ты, черпый, призрачный, отверженный монахъ!

Пребудь же призракомъ павѣкъ въ душѣ моей,
Съ тобой дай слиться миѣ, о, магъ и чародѣй,
Чтобъ я безъ ужаса могъ быть среди людей!

IV.

КЪ ЛЕРМОНТОВУ.

Нѣть, не за то тебя я полюбилъ,
Что ты поэтъ и полновластный геній,
Но за тоску, за этотъ страстный пыль
На съ кѣмъ нераздѣляемыхъ мученій,
За то, что ты печеловѣкомъ бысть.

О, Лермонтовъ, презрѣнемъ могучимъ
Къ бездушнымъ людямъ, къ мелкимъ ихъ страстямъ,
Ты бысть подобенъ молниямъ и тучамъ,
Бѣгущимъ по нетронутымъ путямъ,
Гдѣ только громъ гремитъ псалмомъ пѣвущимъ.

И вижу я, какъ ты въ послѣдній разъ
Бесѣдовалъ съ иничтожимыи сердцами,
И жесткимъ блескомъ этихъ темныхъ глазъ
Ты говорилъ: „Нѣть, я уже не съ вами!“
Ты говорилъ: „Какъ душно мнѣ средь васъ!“

V.

ГИПЕРБОРЕИ.

За горами Риоейскими, гдѣ-то на сѣверъ отъ Понта,
Въ странахъ мирныхъ и ясныхъ, гдѣ нѣть ни вѣтровъ, ни страштей,
Отъ искромыхъ укрытыя свѣтлою мглой горизонта,
Существуютъ издревле селеныя блаженныхъ людей.

Не бессмертны они, эти люди съ блестающими взглядомъ,
Но они непохожи на насъ, утомленныхъ грозой,
Эти люди всегда отдаются невиннымъ усладамъ,
И питаются только цветами и свѣжей росой.

Почему имъ однѣмъ предоставлена яркая слава,
Безмятежность залива, въ которомъ не пѣнится волъ,
Почему непозвѣтна имъ нашихъ мученій отрава,
Этой тайны святой самыи мудрый изъ насъ не узналъ.

Не бессмертны они, эти люди, межъ нами—другіе,
Но помногу вѣковъ предаются они бытю,
И, пасынившись жизнью, бросаются въ воды мореки,
Упося въ глубину сокровенную тайну свою.

VI.

СТРАНА ИССЕДОНОВЪ.

Сие притное басенное.
Карандашъ.

На востокъ отъ аргиппееевъ,
Тамъ, въ Татаріи Великой,
Змѣй живеть, краса всѣхъ змѣевъ,
Многочудный, многоликий.

Тамъ, безъ тягостныхъ законовъ,
Въ заколдованной долинѣ,
Жило племя исседоновъ.
Говорить, живеть донинѣ.

Судьбы ихъ—гіероглифи,
Край ихъ—золотомъ богатый,
И таинственные трифы
Стерегутъ тотъ край заклятый.

Восемь мѣсяцевъ—цѣлебный
Холодъ дышетъ надъ страною,
И летаетъ змѣй волшебный,
И мерцасть чешуею.

Кто туда неосторожно
Изъ другой страны заглянетъ,
Тотъ,—преданіе наложно,—
Въ изумлени камнемъ станеть.

Всѣ пути туда закляты,
Воалъ самаго преддверья
Льды восходятъ, какъ палаты,
Снѣгъ и градъ, какъ шухъ и перья.

Камни, золото, и холодъ,
Закаленная природа,
И никто ни старъ, ни молодъ,
Непозъмлю въ годъ изъ года.

Только змѣй въ игрѣ извишовъ,
Золотисто-изумрудный,
Измѣняетъ цветъ отливовъ,
Многоликий, многочудный.

VII.

ИЗБРАНИНИКУ.

Отчего такъ безилодно въ душѣ у тебя
Замолкаютъ созвучья міровъ?
Отчего, не любя ни другихъ, ни себя,
Ты печалень, какъ пѣсня безъ словъ?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленныхъ небесныхъ глубинъ.
Пробудись и возстань, и воздушную ткань,
Развернувъ, созерцай не одинъ.

О, раскрой передъ намъ узоры мечты,
Загорѣвшейся въ сердцѣ твоемъ!
Покажи намъ черты сверхземной красоты,
Мы полюбимъ ее и поймемъ!

Тѣ же мысли у каждого дремлютъ въ тиши,
И мгновенія завѣтнаго ждутъ.
О, приди, поспѣши, и для каждой души,
Отъ созвучья, цветы расцвѣтутъ.

Мы отвѣтимъ какъ Море на ласку Луны,
А не вражескимъ крикомъ врагу:—
Мы какъ брызги волны изъ одной глубины,
Мы умремъ на одномъ берегу!

VIII.

* * *

Мой другъ, есть радость и любовь,
Есть все, что будеть вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только жали въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цветовъ,
Непогибающихъ садовъ.

IX.

ИЗЪ ЗЕНДІ-АВЕСТЫ.

ГИМИЙ.

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
И Тистрія. Гаома—богъ Безсмертия,
Могучій Веретрагна—богъ Побѣды,
И Тистрія—молниеносныхъ Бурь.

Но выше ихъ есть богъ—Агурамазда,
 Онъ создалъ все, въ чёмъ запаіе и жизнь.
 Молетва—дочь его; святое слово—
 Его душа; святое помышление
 Есть лучъ отъ Солнца правды запредѣльной,
 Есть отзвукъ сочетаний мировыхъ,
 Пропилюбленный взглядъ Агурамазды.
 Возадайте же Всевышнему хвалу!
 О, ты, всегда единый въ разныхъ формахъ!
 Пресвѣтлый богъ порядка, Ашаванъ!
 Агура, пышио-царственный властитель!
 Датарь, создатель свѣта, богъ огня!
 Всевидящій, всевѣдущій, Мазда!

X.

ОТГУДА.

Я обѣщаю вамъ сады...
 Керзинъ.

Я обѣщаю вамъ сады,
 Гдѣ поселитесь вы наивѣки,
 Гдѣ свѣжесть утренней звѣзды.
 Гдѣ спать нещепчущія рѣки.

Я призываю васъ въ страну,
 Гдѣ пѣть печали, ни заката,
 Я посвящу васъ въ тишину,
 Откуда къ бурямъ пѣть возврата.

Я покажу вамъ то, одно,
 Что никогда вамъ не измѣнить,
 Какъ камень, капувшій на дно,
 Верховныхъ волнъ собой не испѣнить.

Идите вѣ на зовъ звѣзды,
Глядите, я горю предъ вами.
Я обѣщаю вамъ сады
Съ неомраченными цветами.

XI.

ЛУНА.

O sovereign mistress of true melancholy
Shakspeare.

Луна богата силою вишенья,
Вокругъ неи всегда витаетъ тайна.
Она намъ вторить: „Жизнь есть отраженье,
„Но этотъ призракъ дышеть не случайно”.

Своимъ лучомъ, лучомъ блѣдно-зеленымъ,
Она ласкаеть, странно такъ волнуя,
И душу побуждаетъ къ долгимъ стонамъ
Вліяньемъ рокового поцѣлуя.

Своимъ ущербомъ, смертью двѣхнедѣльной,
И новымъ полновластнымъ воссияньемъ,
Она твердѣтъ о грусти не безцѣльной,
О томъ, что сѣть насть ждетъ за умпраньемъ.

Но насть мания надеждой незабвенної,
Сама она успула въ блѣдной дали,
Красавица тоски безперемѣнной,
Верховная владычица печали!

XII.

ТУЧИ.

Но разъ тучи не рабы?
Случевской

Нѣть рабства въ мірѣ, если все—одно.
Самъ создалъ я неправду міроаданья,
Чтобъ было ей въ грядущемъ суждено,

Пройдя пути измѣны и страданья,
Вернуться вновь къ таинственной чертѣ,
Гдѣ приметъ все иные очертанья,

Гдѣ тѣ же мысли—вотъ, уже не тѣ.
Такъ сѣрые пары, покинувъ травы,
Возносятся къ безмѣрной высотѣ,

Роняютъ тѣль на долы, на дубравы,
Ихъ свѣтель путь, ихъ манить гуль борьбы,
И радугой они предъ міромъ правы.

Нѣть, ты неправъ! Нѣть, тучи не рабы!

XIII.

* * *

Я въ глазахъ у себя затаялъ
 Отраженье сокровищъ чужихъ,
 Красоту позабытыхъ могиль,
 И другимъ недосказанный стихъ.

Я въ душѣ у себя отыскалъ
 Гармонически бьющей родникъ:
 Этихъ струй уже кто-то алкалъ,
 Но губами онъ къ пимъ не проникъ.

Оттого-то въ словахъ у меня
 Такъ загадочно много отней:—
 Я закатъ непогасшаго дна,
 Я потомокъ могучихъ царей.

ПРОГАЛИНЫ

Wyście jak przepaści, a w głębich
waszych tajne ukryte blękitu.

Zygmunt Krasicki

Вы какъ пропасти, а въ глубинахъ
васиныхъ скрыты тайны лазурь.

Зигмунт Красинский

I.

ПУТЬ ПРАВДЫ.

СОНЕТЪ.

Пять чувствъ—дорога лжи. Но есть восторгъ экстаза,
Когда намъ истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющаго глаза
Горитъ узорами почная глубина.

Бездонность сумрака, неразрѣшенность сна,
Изъ угля чернаго—рожденіе алмаза.
Намъ и правда каждый разъ—сверхчувственно дана,
Когда мы вступимъ въ лучъ священнаго экстаза.

Въ душѣ у каждого есть міръ незримыхъ чаръ,
Какъ въ каждомъ деревѣ зеленою есть пожаръ,
Еще не вспыхнувшій, но ждущій пробужденья.

Коснись до тайныхъ силъ, шатни тотъ міръ, что спить,
И, дрогнувъ радостно отъ счастья возрожденья,
Тебя нежданное такъ ярко ослѣнить.

II.

ПАПОРОТНИКЪ.

Тѣнью легкой и неслышной
Я замедлилъ у пути,
Тамъ гдѣ папоротникъ пышный
Долженъ будеть расцвѣсти.

Освященный вожь доставши,
Очертиль заклътый кругъ;
Воалъ скатерь разостлавши,
Жду. Но чу! Шиняцій звукъ!

Это дьяволы толпою
Собрались вокругъ меня,
Смотрять, малять за собою,
Брызгутъ искрами огни.

Но безстрастный, безучастный,
Я стою въ своемъ кругу.
Съ этой челядью подвластной
Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
Умножаются они,
Страшень ликъ ихъ искаженный,
И сильней горать огни.

Но въ груди сдержанъ волненье,
Заклинанья я шепчу,
Жду завѣтнаго мгновенія,
И дождусь, чего хоту.

Сонъ придетъ. Цвѣтокъ волшебный,
Что блеститъ однажды въ годъ,
Златоцвѣтный и цѣлебный,
На мгновеніе расцвѣтъ.

И смущенный, изумленный,
Я тогда его сорву.
Тотчасъ папоротникъ сонный
Озаритъ кругомъ траву.

Я пройду толпу вадъній,
Безъ оглядки убѣгу,
И источникъ наслажденій
Возлѣ сердца сберегу.

И навѣки этотъ властный,
Драгоценный амулетъ
Будетъ мнѣ свѣтить, какъ ясный,
Но никѣмъ не зримый свѣтъ.

Довѣрясь этой жгучей
И таинственной звѣздѣ,
Я пройду, какъ духъ могучій,
По землѣ и по водѣ.

Мнѣ пошлины будуть строки
Неписанныхъ страницъ
И небесные намеки,
И языкъ звѣрей и птицъ.

Миръ тому, кто не боится
Осляпительной мечты,
Для него восторгъ танця,
Для него цвѣтуть цвѣты!

III.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

СОПЕТЬ.

Богъ входитъ въ существа, какъ Солнце сквозь окно,
Когда оно встаетъ за гранью кругозора.
Откроемъ занавѣсъ, намъ вѣтъ свѣтить дано,
Быть жгучими, любить, быть частію узора.

Непогасимъ огонь внимательнаго взора,
Неисчерпаемъ блескъ того, что суждено.
Ликъ Солнца возстаетъ въ безличныи кругозора,
И весь различный міръ скрѣпляетъ онъ въ одно.

Туманы превративъ въ разорванныя тучи,
Токъ огненныхъ полосъ коснулся вышинъ горъ,
И въ глубину долинъ, свѣтясь, глядятся кручи.

Тамъ пѣжий сонъ садовъ, тамъ спній свѣтъ озеръ,
И пробужденія чувствъ, несознанно-могучи,
Сливаютъ шумъ листы въ одинъ протяжный хоръ.

IV.

И ДА, И НѢТЬ.

1.

И да, и нѣть—здѣсь все мое,
Приемлю боль—какъ благостыню,
Благославляю бытіе,
И если сооздалъ я пустыню,
Ея величіе—мое!

2.

Весенний шумъ, весенний гулъ природы
 Въ моей душѣ звучитъ не какъ призывъ.
 Среди живыхъ—лишь люди не уроды,
 Лишь человѣкъ хоть частію красивъ.

Онъ можетъ мнѣ сказать живое слово,
 Онъ полонъ бездѣлъ мучительныхъ, какъ я.
 И только въ немъ ежеминутно ново
 Евдѣніе земного бытія.

Какое счастье думать, что созидаю, —
 Надъ смутой горъ, морей, лѣсопъ, и рекъ,
 Надъ мчащимся въ безбрежность міроздаю, —
 Царить непобѣдимый человѣкъ.

О, вѣрю! Мы повсюду бросимъ сѣти,
 Средь міровыхъ неистощимыхъ водъ.
 Предъ будущимъ теперь мы только дѣти.
 Онъ—нашъ, онъ—нашъ, лазурный пебосводъ!

3.

Страшны мнѣ звѣри, и черви, и птицы,
 Душу томить мнѣ животный ихъ сонъ.
 Нѣть, я люблю только бѣглость зарницы,
 Вѣтеръ и моря глухой перезвонъ.

Нѣть, я люблю только мертвые горы,
 Листья и вѣчно-йтмые цветы,
 И человѣческой мысли узоры,
 И человѣка родныхъ черты.

4.

Лишь демоны, да гении, да люди,
Современемъ заполнять всѣ миры,
И выразить въ неизреченному чудѣ
Весь блескъ еще не синевшейся игры.—

Когда, уразумѣвъ себя впервые,
Съ душой соприкоснутся навсегда
Четыре поливластимя стихіи:—
Земля, Огонь, и Воздухъ, и Вода.

5.

Отъ блѣднаго листка испуганной осины
До сказочныхъ плантъ, гдѣ день длиниѣй, чѣмъ вѣкъ,
Все—тонкіе штрихи законченной картины,
Все—тайные пути неуловимыхъ рѣкъ.

Всѣ помыслы ума—широкія дороги,
Всѣ вспышки страстиныя—подъемные мосты,
И какъ бы ни были мы бѣдны и убоги,
Мы все-таки дойдемъ до пѣхой высоты.

То будетъ лучшій мигъ безбрежныхъ откровеній,
Когда, какъ лунный дискъ, прорвавшись сквозь туманъ,
На насть изъ хаоса безчисленныхъ явленій
Вдругъ глянетъ синевѣйся, но скрытый Океанъ.

И цѣль пути понять, счастливые наивѣки,
Мы всѣ благословимъ раздавшуюся тьму,
И, словно радостно-расширенная рѣка,
Своими устьями, любя, прильнемъ къ Нему.

6.

То будетъ таинственный мигъ примиренія,
 Все въ мірѣ восприметь восторгъ красоты,
 И будетъ для взора не три измѣренія,
 А столько же, сколько есть словъ у мечты.

То будетъ мистической праздникъ славы,
 Всѣ краски, всѣ формы измѣняются вдругъ,
 Все въ мірѣ восприметь восторгъ обаянія,
 И воздухъ, и Солнце, и звѣзды, и звукъ.

И демоны, встрѣтясь съ забытыми братьями,
 Съ которыми жили когда-то всегда,
 Восторжено встрѣтятъ другъ друга объятьями,—
 И день не умретъ никогда, никогда!

7.

Будутъ игры безпредѣльныя,
 Въ упоительности цѣльныя,
 Будутъ пѣсни колыбельныя,
 Будемъ въ шутку мы грустить,
 Чтобы съ новымъ упоеніемъ,
 За обманчивымъ мгновеніемъ,
 Снова ткать съ протяжнымъ пѣніемъ
 Цереливчатую нить.

Нить мечтапы безкопечного,
 Безпечального, беспечнаго,
 И мгновенного и вѣчнаго,
 Будетъ вся въ живыхъ огняхъ.

И, какъ привиды влюбленные,
Какъ-то сладко-утомленные,
Мы увидимъ—измѣненные—
Наши лица—въ нашихъ снахъ.

8.

Идеи, образы, изображенія, тѣпи,
Вы, впізъ ведущія, но пышныя ступени,—
Какъ змѣй сквозь насть вілесь, я васть люблю равно,
Чтобъ видѣть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики въ сосудѣ драгоцѣнномъ,
Вдыхаю въ немъ вино, съ его восторгомъ изѣненымъ,
Ту влагу выпью я, и по златымъ краямъ
Дамъ биться отблескамъ и ликамъ и тѣямъ.

Вино горитъ сплытый—невримое для глаза,
И осушеннайа—богаче, ярче ваза.
Я сладко ошыпенъ, и, какъ лукавый змѣй,
Покинувъ глубь, всхожу... Еще! Вотъ такъ! Скорѣй!

9.

Я—просвѣтленный, я кажусь собой,
Но я не то,—я островъ голубой:
Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
Опъ издали являеть цвѣтъ лазури.

Я—волнистый сонъ, я всюду и нигдѣ:—
Вода блестить, но развѣ лучъ въ водѣ?
Нѣть, здѣсь свѣтъ, я гдѣ-то тамъ блестаю,
И тамъ не жду, блесну—и пропадаю.

Я вижу все, веадъ встаетъ мой ликъ,
Со всѣми я сливаюсь каждый мигъ.
Но вѣтеръ какъ замкнуть въ предѣлахъ зданья?
Я духъ, я магъ, я стражъ міросознанья.

10.

Звуки и отзуки, чувства и призраки ихъ.
Таинство творчества, только-что созданный стихъ.

Только что срѣзанный свѣжій и влажный цвѣтокъ,
Радость рожденія—этого пѣнія строкъ.

Воды мятежились, бури гремѣла,—по вотъ
Въ водной зеркальности дышеть опять небосводъ.

Травы обрызганы съ неба упавшимъ дождемъ.
Будемъ же мучиться, въ боли мы тайну найдемъ.

Слава создавшему пѣсню изъ слезъ роковыхъ,
Намъ передавшему звонкій и радостный стихъ!

V.

ЧЕТЬ И НЕЧЕТЬ.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ.

Утромъ рано,
Изъ тумана,
Солнце выглядеть для насы.
И освѣтить,
И замѣтить
Всѣхъ, кто любить этотъ часъ.

Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадасть звонъ мнуть.
О мнущемъ,
Обманувшемъ
Ихъ напѣвы памъ поютъ.

Точно съ крыши,
Тише, тише,
Капли падаютъ дождя.
Всъ прольются,
Не вернутся,
Этотъ темный путь пройдя.

Звукъ пеисныи,
Безучастныи,
Панихиды памъ поеть.
„Вѣрьте, вѣрьте
„Только смерти!
„Четъ и печеть! Нечетъ, четъ!“

„Четъ счастливымъ
„И красивымъ,
„Слабымъ нечеть, недочеть!
„Но, рѣдѣя,
„Холодѣя,
„Четъ и печеть протечеть!“

Звукъ пеисныи,
Безучастныи,
Ты поешь, обманъ таи.
Нѣть, не вѣрю,
И въ потерю
Смыслъ впой влагая я.

Върьте, втрьте
 Только смерти
 Насъ понявшаго Христа!
 Солнце встанеть,
 Не обманеть,
 Вѣчно свѣтить красота!

Цѣль страданья,
 Ожиданья,
 Всѣмъ намъ свѣтлый дастъ отчетъ.
 Въ міръ согласныи,
 Вѣчно-ясныи,
 Четъ и нечеть насъ влечеть.

ИНДІЙСКІЯ ТРАВЫ

Тат твомъ яи.—Го есть ты.

Основоположение Индійской Мудрости

Познаній сущностъ стасть выше

печатни.

Шри-Шансара-Ачарія

I.

МАЙЯ.

Тигры стояли въ глубокихъ долинахъ.
 Чампакъ, цвѣтущій въ столѣтіе разъ,
 Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ.
 Мѣсяцъ за скалы пропыль и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый юги,
 Магъ-заклинатель, блѣдѣтъ мертвена,
 Что-то шепталъ, и властительно-строги
 Были черты сверхземного лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленіе;
 Только прочель—и предъ нимъ, какъ во снѣ,
 Стали качаться, носиться видѣнья,
 Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
 Время, пространство, причина, и цѣль,
 Пышность восторга, и сумракъ потери,
 Смерть изъ мгновеніе, и вновь колыбель.

Ткань бѣзъ предѣла, картина бѣзъ рамы.
 Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“.
 Мракъ отпаденія отъ вѣчнаго Брамы,
 Ужасъ мучительный, союзъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
Рушится съ гуломъ утесь на утесь,
Топотъ и ропотъ, мольбы и укоры,
Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
„Майя! О, Майл! Лучистый обмань!
„Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для юги,
„Майл—бездушный нѣмой океань!”

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чамакъ, цветокъ вѣковой, отцвѣталъ.

II.

КРУГОВОРОТЬ.

Не только люди и герои,
Волшенье думъ тая,
Томятся жаждой въ душномъ зноѣ
Земного бытія.
Но даже царственные боги
Несуть тяжелый плѣнъ,
Всегда витая на порогѣ
Все новыхъ перемѣнъ.

Они счастливѣ, чѣмъ люди,
Герои равны имъ,
Но все они скорбятъ о чудѣ
Всѣмъ существомъ своимъ.

Въ оковахъ жизни подневольной
 Запутанныхъ міровъ,
 Скорбять о вѣчности безбольной
 Непреходящихъ сновъ.

И только Онъ, Кто всѣхъ ихъ видѣтъ
 Съ неизримой высоты,
 Кто блѣдной травки не обидатъ,
 Въ Чемъ ловѣ я и ты,—
 Лишь только Онъ, всегда блаженныи,
 Ничѣмъ не утомленъ,
 И жизнь съ ея игрой мгновенныи
 Предъ нимъ скользитъ, какъ сонъ.

Никѣмъ не понять и незнамъ,
 Онъ любить свѣтъ и тьму,
 И кругъ завѣтный мы свершаемъ,
 Чтобы прийти къ Нему.
 Какъ лучъ отъ Солнца, въ жгучемъ зноѣ,
 Сквозь беадиу мглы скользимъ,
 И вновь—къ Нему, въ сияніи покоя,
 И вотъ мы снова—съ Немъ!

III.

ИНДІЙСКІЙ МОТИВЪ.

Какъ красныи цвѣтъ небесъ, которыи не красныи,
 Какъ разногласье волнъ, что межъ собой согласны,
 Какъ сны, возникши въ прозрачномъ свѣтѣ дна,
 Какъ тѣни дымныи вкругъ яркаго огня,
 Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ дышеть,

Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себи не слышать,
 Какъ на поверхности потока бѣлизна,
 Какъ лотосъ въ воздухѣ, ростущій ото дна,
 Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ заблужденья
 Есть сновидѣніе иного сновидѣнія.

IV.

ЖИЗНЬ.

Жизнь—отраженіе луннаго лика въ водѣ,
 Сфера, чей центръ—повсюду, окружность—нигдѣ,
 Царственный вымыселъ, прошать глухая безъ дна,
 Вѣчность мгновенія—мигъ красоты—тишина.

Жизнь—трепетаніе Моря подъ властью Луны,
 Лотосъ чуть дышацій, блѣдный любимецъ волны,
 Дымное облако, полное скрытыхъ лучей,
 Сонъ, создаваемый множествомъ, всѣхъ—и ничай.

V.

КАКЪ НАУКЪ.

Какъ наукъ въ себѣ рождаетъ паутину.
 И, тяжелый, создаетъ воздушность питей,—
 Какъ художникъ создаетъ свою картину,
 Закрѣпля мамолетное событий,—

Такъ изъ Вѣчнаго исходить міровое—
 Многосложность и единство бытія.
 Міръ одинъ, но въ этомъ мірѣ вѣчно двое:—
 Онъ, Недвижный, Онъ. Нежаждущій—и я.

VI.

ИЗЪ УПАНИШАДЪ.

Все то, что существуетъ во вселенной,—
 Окутано въ воздушную одежду,
 Окружено Создателемъ всего.
 Среди тѣней, въ движении сплетенныхъ,
 Недвижное есть Существо одно,
 Въ недвижности—быстрый, чѣмъ пламя мысли,
 Надъ чувствами оно царить высоко,
 Хотя они, какъ боги, въ высь парятъ,
 Стремясь достичь того, что непостижно;
 Оно глядить на быстрый токъ видѣній,
 Какъ воздухъ—обнимая все кругомъ,
 И жизненную силу разливая.
 Недвижно движеть всѣмъ; далеко—близко;
 Оно внутри вселенной навсегда.
 И кто проуковеніемъ взоромъ взглянетъ
 На существа какъ дышащія въ немъ,
 И на него какъ Генія Вселенной,
 Тогда, понявъ, что слитна эта ткань,
 Ни на кого не взглянетъ онъ съ презрѣніемъ.

VII.

ИНДІЙСКІЙ МУДРЕЦЪ.

Какъ золотистый плодъ, въ осенній день дозрѣвшій,
 На землю падаетъ, среди стеблей травы,
 Такъ я, какъ бы глухой, слѣпой, и онѣмѣвшій,
 Иду, не поднимая головы.

Одно въ моихъ зрачкахъ, одно въ замкнутомъ слухѣ;
 Какъ бы познанный, мой духъ павѣкъ затихъ.
 Ии громкій крикъ слона, ии блескъ жужжащей мухи
 Не возмутить недвижимыхъ чертъ моихъ.

Сперва я, какъ мудрецъ, бесѣдовала съ вѣками,
 Потомъ свой духъ вернула къ первичной простотѣ,
 Потомъ, молчальникомъ, я пріобщился въ Брамѣ,
 И утонулъ въ бессмертной красотѣ.

Четыре радуги надъ бурною вселеніою,
 Четыре степени возвышенныхъ надеждъ,
 Чтобы возсоздать кристаллъ изъ влаги перемѣниою,
 Чтобы видѣть міръ, не подымая вѣждъ.

VIII.

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

Тотъ, предъ Кѣмъ, Незримымъ, зrimо
 Все, что въ душахъ у людей,
 Тотъ, предъ Кѣмъ проходить мимо
 Блески дымныхъ страстей,—

Кто, Неслышимый, услышитъ
 Каждый ропотъ бытія,
 Только Тотъ бессмертъемъ дышетъ,
 Въ нераздѣльно-сплитномъ я.

Тотъ, въ чьемъ духѣ вѣчно новы
 Солице, звѣзды, вѣтеръ, тьма,
 Тотъ, Кому опи—покровы
 Для сокрытаго ума,—

Тотъ, Кто близко и далеко,
Передъ Кемъ вся жизнь твоя
Точно радуга потока,—
Только Тотъ есть вѣчно—я.

Всѣ закаты, всѣ разсвѣты
Въ немъ возникли и умрутъ,
Всѣ сердечныя примѣты
Тамъ зажглись, блестая—тутъ.

Всѣ луки въ росѣ горящей
Повторяютъ тотъ же ликъ,
Солица ликъ животворящій,
Въ Солнцѣ каждый лучъ возникъ.

Все, что—здесь, проходить мимо,
Словно тѣнь отъ облаковъ.
Но очамъ незримымъ—зрима
Неподвижность вѣчныхъ сновъ.

Онъ живетъ, предъ Кемъ проводить
Этотъ міръ всю роскошь силъ,
Онъ, Единый, не уходитъ,
Въ часъ захода всѣхъ свѣтиль!

БЕЗВЪТРИЕ

Entonces hueiga el hombre andando
entre las estrellas.

Luis de Granada

Тогда-то наслаждается человѣкъ,
проходя сквозь звѣзду.

Луисъ де Гранада

Въ тихомъ безвѣтріи
Сияньемъ пространствъ.
Служевскій

I.

АЛЬБАТРОСЬ.

Надъ пустыней ночиою морей альбатросъ одинокій,
Разрѣзая ударами крыльевъ соленый туманъ,
Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался подъ нимъ Океанъ.

И порой омрачаясь, далеко, на небѣ холодномъ,
Одиноко плыла, одиноко горѣла Луна.
О, блаженство быть спальнymъ и гордымъ и вѣчно свободнымъ!
Одиночество! Миръ тебѣ! Море, покой, тишина!

II.

СВѢТЛЫЙ ГЕРОЙ.

Я слышалъ о свѣтломъ Героѣ,
Свободномъ отъ всякихъ желаній,
О немъ, перешедшемъ потокъ.
Въ лучистомъ застылъ онъ, покой,
Покинувъ нашъ міръ восклицаній
Для славы несозданныхъ строкъ.

Въ разрывахъ глубокой лазури,
Въ краю отодвинутой дали,
Съ нимъ тайно колдуетъ Судьба.
Къ нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему не знакома борьба.

Съ безсмертной загадкой во взорѣ,
 Опъ высится гдѣ-то надъ пами,
 Въ дунѣ отразивъ небосводъ.
 Въ высоко-митущемся Морѣ
 Опъ островъ забытый вѣтрами,
 Среди успокоенныхъ водъ.

III.

ПОТУХШИЕ ФАКЕЛИ.

Факели, тлѣя, чадить,
 Утомленъ паглядѣвшійся взглядъ.
 Дымъ изъ кадильницъ излить,
 Насажденіе, усталое, спить.

О, паконецъ, паконецъ,
 Затуманенъ блестящій дворецъ!
 Мысль, отчего жь ты не спишь,—
 Вокругъ тебя безнадежная тишина!

Жить, умирать, и любить,
 Безпределную цѣльность дробить,—
 Все это было давно
 И, скользнувъ, опустилось на дно.

Тамъ, въ полумглѣ, въ тишии,
 Гдѣ-то тамъ, на таинственномъ днѣ,
 Новые краски царять,
 Драгоценные камни горѣть.

Ниже, все ниже, все внизъ,
Замолчавшей душой устремись!
Въ смерти намъ радость дана,—
Красота, тишина, глубина!

IV.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ ЛУНЫ.

Южный полюсъ Луны задремалъ, опъ уснуль между горъ величавыхъ,
Поражающихъ правильной формой своей.
Это—мысль, заключенная въ стройныхъ октавахъ,
Эти горы живутъ безъ воды, въ полосѣ неподвижныхъ лучей,—

Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и зажащихъ отблескомъ страннымъ
На долину, что снять у подножія горъ,
Между кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтлоткаанныхъ,
Вѣчно тихихъ, петропутыхъ тьмой, въничай пе ласкающихъ взоръ.

Эти страшны горы горятъ неподвижностью вѣчнаго свѣта,
Надъ холоднымъ пространствомъ безжизненныхъ словъ,
Это ужасъ мечты, это дума вѣковъ,
Запредѣльная жизнь Красоты, безнощадная яспость Поэта.

V.

БЛѢДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Блѣдный воздухъ прохладенъ.
Не желай. Не скорби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби.

Даль небесъ безпределна.
О, какъ сладко тому,
Кто, хотя бы безцѣльно,
Весь приспѣть къ Нему.

Въ небѣ царствуютъ луны.
Какъ спокойно вкругъ ихъ!
Златоцѣтныя струны
Затаили свой стихъ.

Скоро звѣзды проснутся.
Сочетаясь въ узоръ,
Ихъ намеки сплетутся
Въ серебристый соборъ.

Звѣзды—вѣчныя души.
Звѣзды свѣчи зажгли.
Вотъ все глуше и глушѣ.
Темный ронотъ земли!

Нѣть границъ у лазури.
Слышавъ медленныи звонъ?
Это прошлыхъ бури.
Погружаются въ сонъ.

Тихо въ царствѣ покоя.
Кругъ завѣтныи замкнутъ.
Часть полночнаго боя
Отошедшихъ минутъ!

Воздухъ чистъ и прохладенъ.
Этотъ мигъ не дроби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби!

VI.

НЕМОЛЧНЫЯ ХВАЛЫ.

Можно пѣть немолчныя хвалы,
Говоря всегда одно и то же.
Я люблю провалы горной мглы,
Гдѣ кричать голодные орлы.
Узкій путь, что съ каждымъ мигомъ строже—
Выше, выше мчить узоръ скалы.
Но на свѣтѣ мнѣ всего дороже—
Радость вѣчно пѣть Тебѣ хвалы,
Милосердныи Боже!

VII.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Камень Іоанна, нѣжныи изумрудъ,
Драгоценныи камень ангеловъ небесныхъ,—
Передъ тѣми двери Раи отомкнуть,
Кто тебя полюбить въ помыслахъ чудесныхъ,—
Цѣль расцвѣтшой жизни, свѣтлый изумрудъ!

Твердая опора запредѣльныхъ троновъ,
Іашма, талисманъ апостола Петра,—
Храмъ, гдѣ всѣ мы можемъ отдохнуть отъ столовъ
Въ часъ когда приходить трудная пора,—
Іашма, украшенье запредѣльныхъ троновъ!

Камень огневой невѣриаго Фомы,
 Яркій хризолитъ оттѣнка золотого,—
 Ты малкъ сознанія надъ прибоемъ тьмы,
 Чрезъ теби мы въ Богъ убѣдимся снова,—
 Хризолитъ прекрасный мудраго Фомы!

Символы престоловъ, временно забытыхъ,
 Гіалинть, агатъ, и дымный аметистъ,—
 Послѣ заблужденій, сердцемъ пережитыхъ,
 Къ небу возвратится тотъ, кто сердцемъ чистъ,—
 Легкій мракъ престоловъ, временно забытыхъ!

Радость высшихъ духовъ, огненный рубинъ,
 Цвѣта красной крови, цвѣта страстной жизни,—
 Между драгоценныхъ камней властелинъ,
 Ты намъ обѣщаешь жизнь въ иной отчизнѣ,—
 Камень высшихъ духовъ, огненный рубинъ!

VIII.

ПРЕДВѢДІЦАНІЕ.

СОНЕТЪ.

Мнѣ все равно: царемъ ли быть могучимъ,
 Иль мудрецомъ, средь отреченныхъ книгъ,
 Иль облакомъ, бѣгущимъ къ дальнимъ тучамъ,
 Чтобъ засвѣтиться молнией на мигъ.

Всему и всемъ сочувственный двойникъ,
 Я впмъ иду по лабиринтнымъ кручамъ,
 Судьба зоветъ, покой пустынь великъ,
 И стихъ въ душѣ звучать ключомъ гремучимъ.

Туда, туда! За грани вѣчныхъ горы!
 Вершины спать. Лазурь, покой, просторъ.
 Властительныи невидимыя чары.

Въ предсмертной мглѣ дрожитъ одна звѣзда,
 Надъ дольней тьмой, гдѣ дымные пожары.
 Вершины спать. Скорѣ! Туда, туда!

IX.

ВЕРШИНЫ.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ.

Вершины бѣлыхъ горъ
 Подъ краснымъ Солнцемъ свѣтить.
 Спроси вершины горъ,
 Они тебѣ отвѣтятъ.

Расскажутъ въ тихій часъ
 Багрянаго заката,
 Что нѣть любви для нась,
 Что къ счастью нѣть возврата.

Чѣмъ дальше ты идешь,
 Тѣмъ глубже тайный холодъ.
 Все—истина, все—ложь,
 Блаженъ лишь тотъ, кто молодъ.

Намъ скучно свѣтить день,
 А ты такъ жаждешь свѣта.
 Мечтой свой духъ одѣнь,
 Въ иномъ не жди привѣта.

Чѣмъ выше надъ землей,
Тѣмъ легче хлопья снѣга,
Съ прозрачной полумглой
Слилась пѣная пѣга.

Въ прозрачной полумглѣ
Ни мрака вѣтъ, ни свѣта.
Ты плакалъ на землѣ,
Когда-то, съ кѣмъ-то, гдѣ-то.

Пойми, одинъ, теперь:—
Нѣть ярче откровенія,
Какъ въ сумракѣ потерпѣ
Забвеніе мгновенія.

Мгновеніе красоты
Бездонно по значенью,
Въ немъ высшее, чѣмъ ты.
Служи предизначенью!

Взойди на высоту,
Псбудь какъ лучъ заката,
Уйди за ту черту,
Откуда путь возврата!

X.

МОСТЬ.

Между Временемъ и Вѣчностью,
Какъ надъ брызнувшей водой,
Къ намъ заброшенъ беззакончностью
Мостъ воздушно-золотой.—

Разноцветностью играющей,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любить Бога своего,—

Кто, забывъ свое порочное,
Побѣдилъ громаду золы,
И, какъ радуга непрочная,
Возсиялъ—и отошелъ.

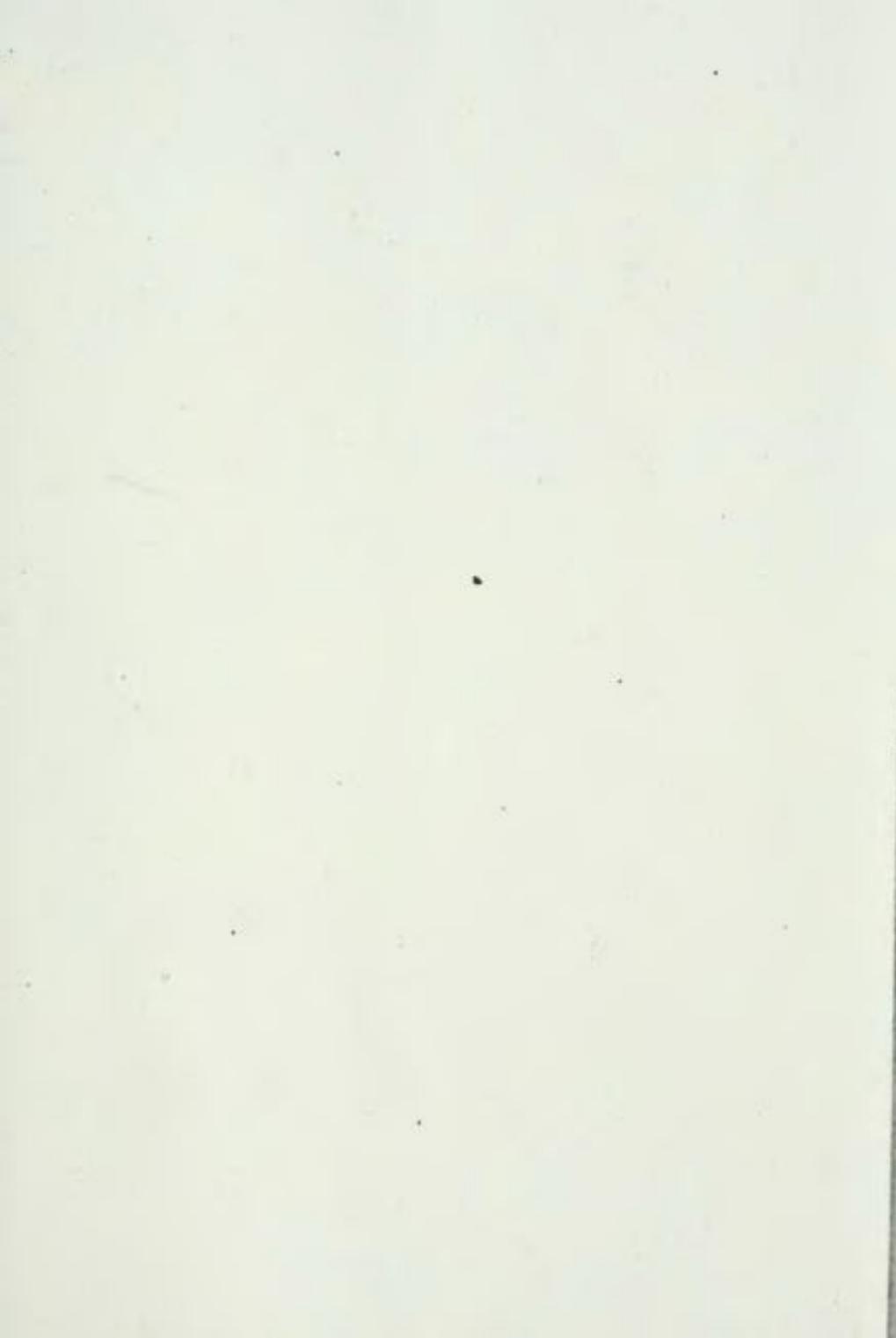
XI.

БЕЛАЯ СТРАНА.

Я—въ странѣ, что вѣчно въ бѣлое одѣта,
Предо мною—прямая долгая дорога.
Ни души—въ просторахъ призрачнаго свѣта,
Не съ кѣмъ говорить здѣсь, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

Все что было въ жизни, снова улыбнется,
Только для другого.—Нѣть, не для меня.
Солнце не вернется, счастье не проснеться,
Въ сердцѣ у меня ни ночи нѣть, ни дни.

Но еще плачу я этой жизни бремя,
Но еще куда-то тянетъ дорога.
Я одинъ въ просторахъ, гдѣ умолкло время,
Не съ кѣмъ говорить мнѣ, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

СМЕРТИЮ — СМЕРТЬ

*Procul recedant somnia
Et noctium phantasmatum...*

Б. Амброзий

Прочь да отступят сны!
И пропадутныя ночи!

Св. Амброзий

СМЕРТИЮ—СМЕРТЬ.

I had a dream...
Lord Byron.

Я видѣлъ сонъ, не все въ немъ было сномъ,
Воскликнулъ Баиронъ въ черное мгновенье.
Зажженный тѣмъ же сумрачнымъ огнемъ,
Я рассказалъ, по силѣ разумѣнья,
Свой сонъ,—онъ тоже не былъ только сномъ.

И вѣсъ прося о милости вниманья,
Незримые союзники мои,
Лишь вамъ я отдаю завоеванье,
Исполненное мудростью Змѣи.
Но слушайте мое повѣствованье.

Мнѣ грезилась безмѣрная страна,
Которая была когда-то Раемъ;
Она судьбой намъ всѣмъ была дана,
Мы вѣдь ее, хотя отчасти, знаемъ,
Но та страна проклятью предана.

Ея концы, незримые вначалѣ,
Какъ стѣны обозначилися мнѣ,
И видѣлъ я, какъ, полнилъ печали,
Дрожанья звѣздъ въ пебесной вышинѣ,
Свой смыслъ понять, науки отзучали.

И новое предстало предо мной.
 Небесный сводъ, какъ потолокъ, сталъ низкимъ;
 Украшенной игрушечной Лупой
 Опъ сдѣлался до отвращенія близкимъ,
 И точно очертился кругъ земной.

Надъ этой ямой, вогнутой и грязной,
 Тѣ сонмы звѣздъ, что и всегда любилъ,
 Дымились, въ игрѣ однообразной,
 Какъ огоньки, что бродить между могиль,
 Какъ хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосѣ,
 Что не была достаточно далекой,
 Толпились дѣти, юноши—и всѣ
 Толкались на мѣстѣ въ горести глубокой,
 Томились, какъ бѣлка въ колесѣ.

Но міръ Земли и сочетаній звѣздныхъ,
 Съ роскошествомъ дымящихся огней,
 Достойнымъ балагаюовъ затраченыхъ,
 Все дѣлался угремъ и тѣнѣй,
 Бросая тѣнь отъ стѣнъ до стѣнъ желѣзныхъ.

Стѣснилося дыханіе у всѣхъ,
 Но многіе еще проскѣта ждали
 И, стоя въ склепѣ дѣдовскихъ утѣхъ,
 Другъ друга въ чадномъ дымѣ не видали,
 И съ устья пылья срывался дикий смѣхъ.

Но, наконецъ, всѣмъ въ Мирѣ стало ясно,
 Что замкнуть Миръ, что онъ извѣстенъ весь,
 Что какъ желать не быть себой—напрасно,

Такъ наше Тамъ—всегда и всюду Здѣсь,
И Небо надъ самимъ собой не властно.

Я слышалъ вопли: „Кто поможетъ? Кто?“
Но кто же могъ быть сильнымъ между нами!
Повторный крикъ звучалъ: „Не то! Не то!“
Ничто смѣялось, скавшись, за стѣнами,—
Все сморщенное страшное Ничто!

И поть ужъ стѣны сдвинулись такъ тѣсно,
Что груда этихъ стиснутыхъ рабовъ
Въ чудовище одно слизлъся чудесно,
Съ безумнымъ сопномъ ликовъ и головъ,
Одно въ своемъ различны новсемѣстно.

Измученъ въ подневольной тѣснотѣ,
Съ чудовищной Змѣю линко скованъ,
Дрожа отъ омерзенія къ духотѣ,
Я чувствовалъ, что умъ мой, заколдованъ,
Что итъ конца уродливой мечтѣ.

Вдругъ, въ ужасѣ, незнаюмъ дотолѣ,
Я превратился въ главный ликъ Змѣи,
И Миръ—былъ мой, я—у себя въ неволѣ.
О, слушайте, союзники мои,
Что сдѣлалъ я въ невыразимой боли!

Все было сѣрио-изсипя-желто.
Я развернулъ мерцающій звенія,
И, Миръ порванъ, самъ вспыхнулъ,—но за то,
Горя и задыхался отъ мученья,
Я умертвилъ ужасное Ничто.

Какъ сонный мракъ предъ властю разсвѣта,
 Какъ облако предъ чарою вѣтровъ,
 Вселенная, бессмертіемъ одѣта,
 Раздвинулась до самыхъ береговъ,
 И смыла ихъ—и дальше—въ море Свѣта.

Вновь манить Миръ безвѣстной глубиной,
 Нѣть больше стѣнъ, нѣть сказки жалко-скудной,
 И я пе Змѣй, уродливо-бодлой,
 Я—Люциферъ небесно-изумрудный,
 Въ Безбрежности, освобожденной мной.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

52

	Стр.
Посвящение	7
Предисловие	9
1. Крикъ часоваго.	
Крикъ часоваго	17
2. Отсвѣты зарева.	
Кинжалныя слова	21
Ночь и свѣтъ	21
Слово зашита	22
Морской разбойникъ	23
Какъ испанецъ	24
Красный цветъ	25
Я сбросилъ ее	26
Скны	27
Въ глухіе дни	28
Опричника	29
Смерть Дмитрія Краснаго	30
Скорпіонъ. Сонетъ	32
Я люблю далекій сѣль	33
3. Ангелы опальныя.	
Ангелы опальные	37
Слова любви	38
Хлоиня тумана	38
Опять	39
Среди камней	40
Белладонна	41
Я буду ждать	42
Ихнѣе всего	43
Волна	44
Осень	44

Отце́ти	45
Замокъ Джонъ Вальморъ. <i>Баллада</i>	46
Чары мъснца. <i>Медленные строки</i>	50
Можно жить съ закрытыми глазами	54
4. Совѣтъ.	
Сумрачныя области	57
Подъ ирмомъ	58
Лесной пожаръ	59
Разенътъ. <i>Медленные строки</i>	62
Цымъ	64
И изыди сини	65
Скрижали	66
На мотивъ изъ Зенды-Авесты	67
Конецъ міра. <i>Сонетъ</i>	68
Въ аду	69
5. Страна неволи.	
Страна неволи	73
Въ душахъ есть все	74
Стучи, тебѣ откроютъ	77
Въ тюрьмѣ	77
Избранный	78
Раненый	79
Проклятие глупости. <i>Сонетъ</i>	81
Уроды. <i>Сонетъ</i>	80
Бабочка	81
Заколдованная дѣва	82
Сквозь міръ случайностей	83
6. Возлѣ дыма и огия.	
Кузнецъ	87
Выше, выше	87
Моя душа	88
Духъ вѣхъ	89
Бытие	90
Во власти всѣхъ вещей	92
Бретань. <i>Сонетъ</i>	92
Утопленники. <i>Сонетъ</i>	93
Проповѣдникамъ. <i>Сонетъ</i>	94
Хвала сонету. <i>Сонетъ</i>	95
И не пыть тѣхъ. <i>Сонетъ</i>	95

	Стр.
Ожесточенному	96
Въ башнѣ	97
Къ дальнему	99
Отъ умершаго къ живому	100
Островъ Вилл-Лицвала	100
Послѣ бала	102
Разлука. <i>Сонечка</i>	103
Молитва о жертвѣ	104
 7. Мимолетное.	
Лесные травы	109
Бѣдная травка	109
Ароматъ солнца	110
Глупы	111
Затоны	112
Послѣдній лучъ	113
Закатные цветы	113
Равнина	114
Молебень	114
Въ окрестностяхъ Одессы	115
Вечеръ въ Амстердамѣ. <i>Медленные строки</i>	116
Исландія	117
 8. Антифоны.	
Намъ нравятся поэты	121
Къ Гермесу Триземегисту	121
Къ Бодлэру	122
Къ Лермонтову	123
Гипербореи	124
Страна Исеедонова	125
Цѣбанинику	126
Мой другъ, есть разность и любовь	127
Иль Зевдъ-Авесты. <i>Ганна</i>	127
Оттуда	128
Луна	129
Гучи	130
Я въ глазахъ у себя затанѣть	131
 9. Прогалины.	
Путь правды. <i>Сонечка</i>	135
Паноротинъ	135

	Стр.
Пробуждение. <i>Сонеты</i>	138
Н да, и ить	138
Честь и вечеть. <i>Медленные строки</i>	143
 10. Индийскія травы.	
Магіа	149
Круговоротъ	150
Индійскій мотицъ	151
Лизинъ	152
Какъ наукъ	152
Царь Упанишадъ	153
Индійскій мудрецъ	153
Молитва вечерини	154
 11. Безытіє.	
Альбатросъ	159
Свѣтлый герой	159
Потухшіе факелы	160
Рожитъ полюсъ Луны	161
Бѣздній воздухъ	161
Неместичны хвалы	163
Драгоценны камни	163
Предѣщаніе. <i>Сонетъ</i>	164
Воронина. <i>Медленные строки</i>	165
Моеть	166
Была і еграй	167
 12. Смертю—смерть.	
Смертю—смерть	171

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПИОНЪ»

I. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ. Земные Ступени. Элегии. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912.
Ц. 1 р. 25 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Полное собрание стиховъ.
Томъ I. (Шесть Свершений Небомъ. Въ Безбрежности. Тишина)
Изд. 4-е. М. 1914. Ц. 2 р.
Томъ II. (Гориція Здадія). Изд. 4-е. М. 1914. Ц. 1. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изд. 4-е. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ IV. (Только Любовь). Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VI. (Фейская Сказки. Злый Чары). Изд. 2-е. М. 1911.
Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VII. (Скарь-Птица). Фронтиспісъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ VIII. (Зеленый Вертугра). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ IX. (Итиши въ воздухѣ). Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Зиенъя. Избранные стихи 1890—1912. М. 1912. Ц. 1 р.
Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собрание стиховъ 1892—
1909 гг.
Томъ I. Стихи 1902—1904 гг. (Urbi et Orbi, Stephanos). Вто-
рой томича. М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напыши). Второй томича.
М. 1909. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ. Зеркало Тыней. Стихи 1909—1912 гг. Обложка
Д. Митрохина. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- Андрей Бѣлы. Золото въ Лазурѣ. Первый сборникъ стиховъ.
Обложка И. Феофилактова. М. 1901. Ц. 2 р.
- Поль Верзэль. Собрание стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брю-
сова. Съ биографическими очерками и 6 портретами. М. 1911.
Ц. 2 р.
- Юрій Верховеній. Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
З. Н. Гиппіусъ Собрание стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

- Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Сог Арденс. Томъ I. (Сог Ardens. Speculum Specularum. Эросъ. Золотыи Завѣсы). Фронтиспіе К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.
- Сог Арденс. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ — 1 р. 10 к. (Оба тома имѣть въ 3 р. 50 к.)
- М. Кузминъ. Съти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ. Осенний Озера. Вторая книга стиховъ. Обложка С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 к.
- Ив. Коневской. Стихи и проза. Постмортное собрание сочинений съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1914. Ц. 1 р. (им. 2 р.).
- Николай Морозовъ. Звѣздныи пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картинами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Стихи Нелли. Съ посвященіемъ Валерія Брюсова. М. 1913. Ц. 60 к.
- Федоръ Сологубъ. Собрание стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (им. 1 р. 50 к.).
- Оскерь Уайлдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.
- Уольтеръ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ. Земная Оса. Рассказы и драматические сцены. 2-ое, дополненное изд. Иллюстрации и обложка Альберто Мартини (фототипії). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ. Ночи и дни. Вторая книга рассказовъ и драматическихъ сценъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Валерій Брюсовъ. Огненный Аигель. Повесть изъ немецкой жизни XVI в. Изд. 2-ое, дополненное примѣчаніями. Украшенія по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлы. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Федорова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и рассказы. Переводъ съ норвежской С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (им. 1 р.)
- М. Кузминъ. Первая книга рассказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Книжма Клары Бальмонта. Тынь Филадильды. Флеръ и разбойникъ. Рыцаріе Анны М-перъ. Кушетка тети Сони. Крылья). Обложка по изданию XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

- М. Кузминъ.** Вторая книга рассказовъ (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиніи. Нѣжныи Іосифъ). Обложка по изданию XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- М. Кузминъ.** Третья книга рассказовъ (Путешествіе сэра Джона Фирфакса. Повѣсть о Ксанет. „Высокое искусство“. Нечаянныи провинты. Опасный страхъ. Нашна родника. Мечтатели.) М. 1913. Ц. 1 р. 80 к.
- Жагадисъ. Облака.** Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.).
- Эдгаръ По.** Собрание сочинений въ переводе К. Д. Бальмонта. Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. З-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
- Томъ II. Разказы, статьи, афоризмы. Изд. З-е. М. 1913. Ц. 2 р. 20 к.
- Томъ III. Страшные разказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
- Томъ IV. Необычайные приключения. М. 1912. Ц. 2 р.
- Томъ V. Энрика. Письма. Биографія. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Собрание сочинений. Книга I. Pro domo seu. De profundis. У Моря. Сны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Поликова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.).
- Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Феофилактова. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.).
- Книга IV. Заупокойная месса. Въ честь чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).
- Ст. Пшибышевскій.** Сны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.).
- Федоръ Сологубъ.** Жало Смерти. Разказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ.** Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Поликова. Изд. З-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.).
- Зигкунтъ Красинскій.** Небожественная комедія. Пер. А. Курчинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.).
- А. Зиновьевъ-Аннибалъ.** Колыча. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Влч. Иванова. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 60 к.

- Шарль ванъ-Лербергъ. Папъ. Они почутяли. М-Не Коен-Съю.
Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстрациями И. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шарль ванъ-Лербергъ. Они почутяли. М-Не Коен-Съю. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.
- Морисъ Матерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Медизавда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Матерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- Оскаръ Уайлдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіадопуло и А. Куренскаго. Съ 3 портретами О. Уайлда. М. 1907. Ц. 80 к.
- Артуръ Шніцлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. («Парацельсъ», «Подруга», «Зеленый попугай».) Перев. съ немецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ. ПУТЕШЕСТВІЯ И Т. Д.

- К. Д. Бальмонтъ. Змѣйные пьесы. Чутевые письма изъ Мекенки. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — бель рисунковъ. Ц. 2 р.
- Обри Берделей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Берделей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Берделей. Монографія. — Обри Берделей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла. — Обри Берделей. Стихи. Застольная болтовня. — Избранный мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библиографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры — воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Берделей черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіадопуло. М. 1912. Ц. 3 руб.
- Н. Брюсова. Временное и пространственное строение формы. М. 1911. Ц. 40 к.
- Валерій Брюсовъ. Лицейские стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Изъ воспоминаний. М. 1913. Ц. 50 к.
- В. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ немецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)
- Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическая датировка жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы. Редакция и примечания Валерия Брюсова. Приложены факсимиле рисунков и рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 р. (вм. 1 р. 50 к.)

Артур Рансемъ. Оскар Уайлдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликиядупло. Съ предисловиемъ для русского издания Роберта Росса и съ ненаданнымъ портретомъ О. Уайльда. (Начатается.)

V. АЛЬМАНАХИ.

Съверные цветы на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. II. 60 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Съверные цветы на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. II. 80 к. (вм. 2 р.)

Съверные цветы. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ съмъ 600 стр. Стихи, рассказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерия Брюсова, З. Гиннусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, И. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фефанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. II. 3 р.

Съверные цветы Ассирбейские на 1904—5 гг. Роскошное издание. Содержание: "Три расцвѣта", драма, К. Д. Бальмонта. "Земля", сценамъ изъ будущихъ временъ Валерия Брюсова. "Тастанъ", трагедія Влч. Иванова. Стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ф. Сологуба, И. Минскаго, З. Гиннусъ, М. Кринникаго, Ю. Череды, Т. Зинновьевой-Линнбалль и др. Обложка и все украшения И. Феофилактова. М. 1905. II. 3 р.

Съверные цветы на 1911 годъ. Содержание: "Забытый склонница", очеркъ К. Бальмонта, "Голландка Лиза", комедія М. Куллина, "Ведь Навловичъ щитомъ", рассказъ Б. Садовскаго, "Лисъ-лонъ и мышь", статья М. Волошина. "Шумъ емерга", рассказъ З. Гиннусъ, "Подземное жилище", поэма Валерия Брюсова, "Семь земныхъ облазновъ", главы изъ романа Валерия Брюсова, стихи З. Гиннусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилега, Л. Низинина, Валерия Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. II. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Феофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, односторонней и многоцветной автотипіей). М. 1908. II. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куракты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста + 70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (по всю страницу) С. Судейкина и Н. Феофилактова (фототипіи и литографії). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. «ВѢСЫ».

Ежемѣсячникъ изяществъ и литературы. Шесть лѣтъ изданий (1904—1909); 72 №№, свыше 7000 страницъ, текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками изъвестныхъ русскихъ и иностраннѣхъ художниковъ. Въ «ВѢСАХЪ» напечатаны стихи, новеллы, рассказы, драмы, статьи, письма, воспоминания русскихъ и иностраннѣхъ писателей. Рене Арноса, С. Аусландера, Ф. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмilia Верхарна, З. Гиппиусъ, Рена Гилья, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, П. Грабара, В. Жукъ всѣаго, Вач. Иванова, В. Калтана, М. Кальвокоресси, Антона Кралиаго, А. Кондратьева, М. Кузмина, И. Лернера, М. Ликіарденуло, Д. Мережковскаго В. Морфіла, И. Минскаго, Дж. Наполі, С. Нескікова, А. С. Пушкіна, Ст. Нільшевскаго, А. Ремізова, В. Романова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовскаго, Ил. Соловьевъ, С. Соловьевъ, Ф. Сологуба, Е. Тавасова, гр. А. И. Толетого, Оскара Уайлда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Элліса, Н. Эйтнера и мн. др. Въ «ВѢСАХЪ», воспроизведены (по одну и изъѣзжую красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Аракова, Л. Бакета, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дантенгирбеса, О. Гіліа, К. Вальвера, А. де Каронье, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Паола Кузнецова, А. Мартини, В. Мелюти, Л. Пастернака, О. Редона, И. Рериха, Т. Іанъ Риессельберга, А. Гувьера, И. Сапунова, К. Сомова, Т. Стержди-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Йона, Г. Йкулова, Н. Феофилактова и мн. др.

Значительная часть материала, обнародованного съ «ВѢСАХЪ», никогда не перепечатана.

Цена полнаго комплекта «ВѢСОВЪ» за всѣ шесть лѣтъ изданий — 40 руб. безъ пересылки. Отдельные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909 — по 7 руб. безъ пер-

сылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.) — 7 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдельно не продается. Пересылка по действительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданий, на которыхъ цѣна понижена и 2-й части "Cor Ardens" Ви-чеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіеся за заказываемыи изданіи, просятъ взыскать впередъ — при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенню платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства "Скорпіонъ": **Москва, Теле-ральная пл., д. Метрополь, на. 23** (телефонъ 50-89). Изданія к-ва "Скор-піонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ "Комиссіонеръ". **Петербургъ, Садовая, 18.**

}

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЪ».

Москва, Пречистенская улица,
д. 31, кв. 9.

- Андрей Белый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 3 р.
- Андрей Белый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Белый. Трагедия творчества. (Достоевский и Толстой).
М. 1912. Ц. 40 к.
- Евгений Ивановъ. Эллинская религія страдающего
Бога. Опыт религиозно-исторической характеристики. (Не-
печатается).
- Евгений Ивановъ. Борозды и межи. Вторая книга статей. (Готов-
ится).
- Вольфгангъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911.
Ц. 2 р.
- Эзекіль. Русские символисты. М. 1910. Ц. 2 р.
- Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910.
Ц. 1 р. 50 к.
- С. Дермынь. Рихардъ Вагнеръ и Россія. М. 1913.
- Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступ-
ительная статья М. С. Сергеева. (Готовится).
- Гете. Театральное призвание Вильгельма Меистера.
(Wilhelm Meisters Theatralische Sendung). Переводъ первоначаль-
ной редакціи романа „Ученические годы Вильгельма Ме-
истера”, найденной въ 1910 году въ рукописяхъ Шультеса.
Предисловіе первого издателя Гарри Мейсика. Приложеніе:
1. Сводъ отзывовъ Гете о своемъ романѣ. II. Выдержки изъ
письемъ Шиллера о „Вильгельмѣ Меистерѣ”. (Готовится).
- Адольфъ Гильдебрантъ. Проblemы формы въ изобразитель-
ныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачин-
ского. (Печатается).
- Хаустонъ Стюартъ Чемберленъ. Арийское міросочувствие. (Печатается).
- Жозефъ Орасъ Лагрина Неттесгеймскій. Критико-біографи-
ческія очерки. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіемъ
Валерія Брюсова. Съ портретомъ. (Печатается).

- Пасленъ изъ Пены. Эвхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)
- Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ И. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)
- Иполітъ Тэнь. Наполеонъ. Бонарпартъ. Переводъ О. К. Синцовой. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.
- Фридрихъ Шлегель. Люцина. Съ приложеніемъ письма Шлебермана. Переводъ и вступительная статья Ф. А. Степанова (Готовится).
- Пауль Дѣккенъ. Беданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 42 к.
- Шарль Бодлеръ. Стихотворенія изъ прозы. Переводъ Эдисса. М. 1910. Ц. 1 р.
- Анточія. Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.
- Александра Блонь. Собрание стихотворений въ трехъ книгахъ.
- Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.
  - Книга вторая. Нечаканная Радость. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
  - Книга третья. Сильная Ночь. Издание 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Александръ Блонь. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ 1908—1910. М. 1911. Ц. 1 р.
- З. Н. Гиппусъ. Собрание стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.
- Сергѣй Соловьевъ. Апрѣль. Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Сергѣй Соловьевъ. Цвѣтникъ царевны. Третья книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Эдисъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.
- «Логосъ» Русское издание международного ежегодника по философии культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.
- «Логосъ». Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.
- «Логосъ» 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.
- «Логосъ» 1911—12 г. Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.
- «Логосъ». Книга первая и вторая 1912—13 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

- Яновъ Бемъ. Аигогия или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексея Петровского. (Готовится.)
- Гимны Орфея. Переводъ Владимира Низенцера (Готовится).

Германъ Ефесскій. Фрагменты. Переводъ Владимира Ниландера.
М. 1910. Ц. 1 р.

Райсбрунъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступи-
тельный статья Мориса Матерлника. Переводъ Михаила Си-
зова. М. 1910. Ц. 2 р.

Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса (Готовится).
Лирика Новалиса въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).
Мейстеръ Энкартъ. Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой.
М. 1912. Ц. 3 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛЬЦИОНА».

Москва, Пречистенский бульв.,
д. 31, кв. 9.

Андрей Ефимий. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.—Символизм.—Символизм и современное русское искусство.—Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ.—Мережковскій.—Сологубъ.—Брюсовъ.—Бальмонтъ.—Амокадинецъ въ русской поэзии). М. 1910. II. 1 р.

З. Н. Гиппиус. Лунные муравьи. Книга рассказовъ. (Лунные муравьи.—Онь былъ.—Женское.—Быть и такой.—Укренная.—Дверь.—Застьянный.—Нить возгата.—Земля и Богъ.—Приказчикъ.—Подслушанные слова). М. 1912. II. 1 р.

Сергій Клычновъ. Пъсни. Нечаль-Радость. Лада. Бюва. М. 1911. II. 75 к.

М. Кузминъ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстрація И. Сапунова. (Готовится).

Борисъ Садовской. Узоръ чугунныхъ. Рассказы. (Черты изъ жизни моей.—Две главы изъ неизданныхъ записокъ.—Петербургская ворожея.—Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ.—Смыть блокированной Москвой.—Нель бумагъ кнїзї). М. 1910. II. 1 р.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительные статьи А. Бѣлаго, Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшениія А. А. Арапова. М. 1910. II. 1 р.

Владимиръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изд. 6-е, дополненное. (Непечатается).

Любовь Столицз. Лада. Пъсенинъ. Обложка С. Коненкова. Иллюстрація А. Арапова. М. 1912. II. 1 р. 25 к.

М. Шагинянъ. О блаженствѣ имущаго. (Поэзия З. Н. Гиппиусъ) М. 1912. II. 40 к.

Владимиръ Эльснеръ. Выборъ Париса. Первая книга стиховъ. М. 1913. II. 1 р.

- Владимиръ Эльснеръ. Штурмъ Клэръ. Эпиграфа Иллюстрации. Н. Милота, М. Сарыни, Г. Якулова. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- Листки изъ утраченного альбома. Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факультативное издание рукописей. Стихотворения А. С. Пушкина и др. Н. А. Бяземского, Н. Д. Иванчина-Писарева и др. Н. И. Шильдова, А. Башилова, безъ подпись сочинителя, карандашная рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).
- А. С. Пушкинъ. Суждение о несмѣрной литературѣ, собраніи систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).
- Барбэ д'Орсель. Генрихъ и Джорджъ Брэммелль. Ветушительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. №. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Поль Верзасъ. Записки вдовы. Ветушительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. И. Рубановича. Портретъ Верзаса работы И. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верзаса, Казанцева, Коля и др. М. 1910. Ц. 1 р.
- Рене Гиль. Научная поэзия. Опытъ и задачахъ искусства. Переводъ И. Гильдоб, подъ ред. и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Печатается).
- Иоаннъ Сенека. Ноццелуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергея Соловьевса. (Готовится).
- Карлъ Шекспиръ. Огієнталь. Стихи. М. 1913. Ц. 75 к.
- З. Т. А. Гофманъ. Золотой горшокъ. Переводъ и предисловіе Владимира Соловьевса. Съ цветонопретомъ. М. 1913. Ц. 1 р.
- Юлий Аксимовъ. Обитель. Стихи. М. 1913. Ц. 1 р.
- Н. Альвад. Старая сказка. Первая книга стиховъ. М. 1913 Ц. 1 р.

2

2

FINDING SECT.
OCT 13 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG   Bal'mont, Konstantin
3453   Dmitrievich
B2   Polnoe sobranie stikhov
1914a
t.2

